

ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
«ТОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ДОМ»
ГОУ ВПО «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИНСТИТУТ ИСКУССТВ И КУЛЬТУРЫ
КАФЕДРА МУЗЕОЛОГИИ, КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН

Издательство Томского университета
2014

УДК 908:39(571.16)(082)

ББК 26.891:63.5я43

Р 764

Редактор – д.и.н. *О.М. Рындина*

Рецензент – к.и.н. *А.Н. Баловнева*

Российские немцы в этнокультурной палитре Томского
Р 764 Севера: Александровский район: Сборник статей. – Томск:
Изд-во Том. ун-та, 2014. – .84 с.: ил.

ISBN 978-5-7511-2273-7

Сборник содержит статьи участников этнографической экспедиции Томского государственного университета и Томской региональной общественной молодежной организации «Югендблюк», проведённой среди немецкого населения Александровского района. Публикация основана на эксклюзивных данных, которые получены в ходе развёрнутых опросов, проведённых среди немцев разных возрастов. Собранные и систематизированные материалы воссоздают хроники конкретных немецких семей, их быт и праздники, традиции и верования. Из мозаики семейных летописей на страницах сборника складывается история депортации народа, его вживания в суровый Томский Север, сопровождавшегося сохранением этнических традиций.

Для краеведов, этнологов, историков, музеологов и всех интересующихся историей Томского края.

УДК 908:39(571.16)(082)

ББК 26.891:63.5я43

*Материалы для сборника собраны и опубликованы при финансовой поддержке
АОО «Международный союз немецкой культуры»*

ISBN 978-5-7511-2273-7

© Авторы, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 года «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» стал трагической датой в истории российских немцев, круто изменив их судьбу. В Нарымский край был направлен мощный поток депортированного населения. Этнический состав жителей Томской области существенно пополнился немецкой составляющей, и сегодня без неё невозможно представить Александровский, Кargasокский, Парабельский и Колпашевский районы. Немецкие корни укрепились и дали новую поросль на Томском Севере, обогатив его традиции своеобразным этническим колоритом. Задачу научного изучения этнической истории и традиций немцев Томского Севера поставил перед собой флагман национально-культурной жизни этноса – Томский областной Российско-немецкий Дом. Частью запланированной работы стал проект «Немецкие традиции в культурной палитре Томского Севера», реализованный им совместно с Национальным исследовательским Томским государственным университетом. Кураторство проекта со стороны Российско-немецкого Дома осуществляла Лариса Алексеевна Глинкина. Финансовую поддержку проекту оказал Международный союз немецкой культуры. Формой его реализации стала этнографическая экспедиция-практика, состоявшаяся с 3 по 15 июля 2013 г. в самый северный район Томской области – Александровский.

В экспедиции участвовали студенты кафедры музеологии, культурного и природного наследия института искусств и культуры ТГУ: Илона Александрина, Мария Жукова, Евгения Заковряшина, Владислав Копнов, Екатерина Курган, Настя Махнёва, Мария Чарышова, а также две представительницы томской молодежной организации «Югендблик»: Анна Банземир, изучающая местные диалекты немецкого языка, и Юлия Фаллер, модератор сайта немцев Томской области. Руководила практикой д.и.н. Ольга Михайловна Рындина.

Целью экспедиции являлся сбор сведений об истории депортации, адаптации в экстремальных условиях, последующем укоренении на томской земле, а также о традициях и обычаях, сохранённых народом со времени переселения из Поволжья. Информация фиксировалась в виде рабочих записей, на диктофон, с помощью фотоаппарата. Расшифровка сведений производилась на страницах дневников, которые вели участники экспедиции. Основными методами сбора послужили углублённый опрос информаторов по ранее разработанным анкетам и наблюдение за бытом. К подготовке сборника также были привлечены студенты кафедры музеологии Вероника Ефремова и Светлана Кретова.

Благодаря тесному взаимодействию Российско-немецкого Дома и местной администрации дорожные, бытовые и «производственные» условия для членов экспедиции были организованы просто замечательно. Для проживания в распоряжение участников экспедиции была предоставлена школа-интернат с гостеприимной заведующей Ниной Михайловной Бельковой. Исследовательский центр находился в Музее истории и культуры с. Александровское. Директор, Вероника Сергеевна Велиткевич, ежедневно радушно встречала, знакомила с подготовленным списком немецких семей, которые предстояло посетить, и сопровождала такими необходимыми советами. В музее целая комната отведена под прекрасную экспозицию о быте немецкого населения. Мебель, одежда, вышитые изделия, щегольские аксессуары, например дамский ридикюль, старинные молитвенные книги, напечатанные готическим шрифтом, свадебные фотографии позволили буквально прикоснуться к немецкой культуре. Большую помощь в установлении контактов с немецким населением оказал председатель немецкой культурной автономии в Александровском районе Андрей Андреевич Крамер.

В немецких семьях всегда принимали удивительно дружелюбно, оставляли домашние дела, раскрывали семейные альбомы, старались вспомнить, что могли, хотя возвращение в прошлое было не из приятных. Обязательно угощали чаем, выпечкой, сладостями. Каждый день кто-нибудь возвращался в интернат с гостинцами – конфеты, рыба, ведро картошки, которое мы едва одолели к концу практики, потому что обедали в местном кафе, где кормили сытно и вкусно. Специально для нас пекли и приносили блинчики с творогом, знаменитые немецкие «кребель» и «кухе», чтобы мы узнали о них не понаслышке. Было такое чувство, словно приехали не в этнографическую экспедицию-практику, а в гости к родственникам.

Завершающим этапом проекта стала подготовка на основе полевых экспедиционных дневников сборника статей. В них систематизированы сведения, полученные в немецких семьях, которые мы посетили. Каждая статья – это воссозданная память наших собеседников семейная хроника с горестями и радостями, выпавшими на долю членов семьи. В сборнике семейные мемориальные «архивы» сливаются в общий поток истории российских немцев, влившийся в полноводную Обь Томского Севера и запечатлевшийся на её берегах принесёнными традициями немецкой культуры. Предлагаемый сборник – это одновременно дань признательности и выражение благодарности людям, так щедро делившимся с нами своими воспоминаниями.

Отдельно выражаем самую искреннюю благодарность за содействие в подготовке и проведении экспедиции главе администрации Александровского района Александру Павловичу Жданову, его заместителю по социальным вопросам Любови Михайловне Монаковой, а также директору Томского областного Российско-немецкого дома Александру Владимировичу Гейеру.

О.М. Рындина

ПОТЕНЦИАЛ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ РОССИЙСКИХ НЕМЦЕВ*

В вузовской системе практика нацелена на приобретение профессиональных компетенций, т.е. умения применять теоретические знания, касающиеся избранной специальности, в конкретной деятельности. При подготовке музеологов – специалистов по теории и практике музейного дела – большое значение придаётся этнографической составляющей. Им обязательно читаются курсы «Основы этнологии», «Введение в культурную антропологию», «История русской материальной культуры», а в Томском государственном университете этот набор дополняется ещё и «Культурой народов Сибири». Внимание к этнографии обусловлено, во-первых, значительной долей этнографических коллекций в общем музейном фонде страны и, во-вторых, признанием этнической культуры формой существования культуры человечества и важнейшей составляющей его культурного наследия. В свете изложенного неудивительно присутствие в учебной программе по музеологии и этнографической практики, которая должна способствовать выработке различных компетенций, и прежде всего умения выявлять и фиксировать различными способами элементы этнической культуры – через опрос, наблюдение, фотоснимки и диктофонные записи.

Летом 2013 г., с 3 по 14 июля, проходила этнографическая практика студентов-музеологов ТГУ в Александровском районе Томской области с целью изучения этнической культуры немцев. Практика стала и составной частью проекта «Немецкие традиции в культурной палитре Томского Севера», разработанного и реализованного Российско-немецким Домом. В составе группы было 7 студентов, 2 активистов Российско-немецкого Дома и 1 руководитель. Размышле-

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

ния над опытом подготовки и проведения практики, её итогами и составили основу настоящей статьи.

Главное достоинство практики в плане изучения этнической культуры заключается в возможности быстрого получения массового и предварительно систематизированного материала по различным сторонам жизни народа: хозяйственные занятия, жилище, утварь и пища, обряды, семейные хроники и т.п. Правда, серьёзной проблемой при этом становятся полнота и достоверность собираемой студентами информации по причине отсутствия у них должного уровня исследовательского профессионализма и мотивации для научно выверенной фиксации сведений. Для того чтобы минимизировать элемент фантазии при фиксации материала, при организации практики необходимо:

Во-первых, предварительно ознакомить студентов с теми элементами этнической культуры, которые им предстоит фиксировать. Поскольку практика в Александровском районе предполагала комплексное изучение культуры российских немцев, то каждый день полевые сборы, т.е. сборы в среде жизнедеятельности информаторов, предвляла вечерняя лекция о тех разделах культуры, которые предстояло изучать назавтра. Например, вечером читается лекция о календарных обрядах, а на следующий день собирается информация о них. Предварительное погружение в информацию о культуре необходимо для умения ориентироваться в ответах собеседников и задавать уточняющие или наводящие вопросы с целью получения наиболее полной информации.

Во-вторых, обеспечить студентов предварительно разработанными стандартными опросниками по теме практики, в нашем случае – по основным сферам традиционной культуры немцев: занятиям, жилищу, пище, календарной и семейной обрядности. Опросник должен содержать наиболее полный круг вопросов по ключевым разделам собираемой информации. Практиканты должны быть предварительно ознакомлены с вопросами и в случае необходимости получить по ним разъяснение. Работу по составлению опросников выполняет руководитель практики до её начала. С учётом задач этнографической практики в Александровский район за этнический эталон была взята традиционная культура немцев Поволжья первой половины XX в., т.е. времени, предшествующего депортации. Такая этнографическая канва позволяла лучше всего проследить трансформацию немецкой культуры с учётом политического, географиче-

ского и временного факторов. Сведения о немецкой культуре, бытовавшей в Поволжье, главным образом, брались из работ Т.Б. Смирновой, и прежде всего её монографии «Этнография российских немцев»¹.

В-третьих, предварительно знакомить со способами фиксации материала. Применительно к дневниковым записям оговаривается блок необходимой первичной информации об информаторе (фамилия, в том числе и девичья, имя и отчество, год и место рождения, такие же сведения о родителях). Подчёркивается необходимость получения разрешения собеседника на использование диктофона. С учётом психологического фактора, вызванного депортацией, диктофон может оказаться нежелательным, поскольку будет способствовать возникновению настороженности и даже замкнутости, закрытости со стороны информатора, что приведёт к резкому сокращению объёма воспроизводимой информации. Даже при разрешении на диктофонную запись основные моменты беседы следует фиксировать в виде рукописного текста. Определяются объекты первостепенного внимания при фотосъёмке материала: сами информаторы, общий вид дома, усадьбы, хозяйственных построек, приусадебного участка, интерьер жилища, реликтовые предметы, доставшиеся от дедов и родителей, фотографии и т.п. и обращается внимание на обязательное составление перечня фотографий. При сборе фотоматериала особое значение приобретает наблюдение за окружающей обстановкой и умение заметить этнографические факты.

В-четвёртых, показать обучающие примеры сбора материала. Книжное знание культуры, опросники, инструктаж по сбору материала недостаточны для самостоятельного сбора этнографических сведений. Важно понимание психологического фактора, умение расположить к себе собеседника, настроить его на откровенный и доверительный диалог. Для этого требуется соблюдение в разговоре «срединного пути»: больше слушать информатора, ни в коем случае не подсказывать ему ответы, не перебивать, но в то же время тактично управлять беседой, возвращать её время от времени в необходимое русло. Это умение вырабатывается постепенно. Сначала руководитель практики проводит интервьюирование информатора в присутствии практикантов. Следующий шаг заключается в том, что беседу ведут практиканты в присутствии руководителя. И лишь

---

¹ Смирнова Татьяна. Этнография российских немцев. М.: МСНК-Пресс, 2012. 316 с.

затем они могут собирать материал самостоятельно. Лучше разбить студентов на пары: один ведёт беседу, другой её фиксирует и наоборот. При этом важно учесть психологическую совместимость партнёров в паре, они должны ладить друг с другом, понимать друг друга с полуслова.

В-пятых, руководителю вести параллельный сбор материала для определения достоверности, полноты сведений, фиксируемых практикантами. Каждый информатор излагает своё видение, понимание культуры, выработанное в ходе жизнедеятельности, жизненного опыта, а они индивидуальны. По этой причине нет и не может быть двух одинаковых рассказов даже на один сюжет. Порой сведения не совпадают, противоречат друг другу. Важно выявить общие черты, согласовать по мере возможности частности и детали и получить общую картину по изучаемой теме. Для этого требуется достаточность выборки, т.е. следует опросить столько информаторов, чтобы обнаружились устойчиво повторяющиеся блоки информации, опорные для воссоздания этнической культуры. Не выявив подобные блоки, руководитель не сможет критически оценить информацию, зафиксированную студентами.

В-шестых, продумать систему мотивации студентов к активной работе во время этнографической практики. Отчасти эту задачу снимает сама учебная программа, предполагающая заполнение дневника и получение зачёта как итогового результата практики. Представляется, что ограничиваться указанными мерами не следует: структура дневника практик студента-музеолога стандартна и не учитывает специфики этнографической практики. По этой причине следует дополнить стандартный дневник ещё одним – дневником полевых записей, т.е. записей бесед с информаторами. Хорошим стимулом также может стать публикация материалов практики, а наилучшим – проведение её в рамках какой-либо научно-исследовательской программы. В последнем случае студенты приобретают дополнительные бонусы в виде публикаций и участия в исследовательских программах, так необходимые им для победы в различного рода конкурсах, в том числе на стипендии отечественных и зарубежных фондов.

Представляется, что при соблюдении всех вышеперечисленных условий этнографическая практика студентов может дать представительный материал для воссоздания этнической культуры, причём в локальном варианте её бытования. Сравнение материалов практик,

проведённых в разных районах, позволит выявить в культуре народа общие и местные черты. Этнографическая практика студентов-музеологов в Александровский район дала возможность впервые комплексно изучить культуру немецкого населения края и охарактеризовать её на научной основе.

По итогам практики запланированы подготовка и издание настоящего сборника, одноимённого с проектом, в рамках которого она проходила. В этом состоит научный результат практики. Образовательный заключается в том, что её участники приобрели навыки самостоятельного сбора этнографического материала по культуре российских немцев. Не менее важен ещё один результат – воспитательный, затрагивающий ценностные ориентации молодого поколения. Студенты-музеологи впервые непосредственно соприкоснулись с живой культурой народа, почувствовали её своеобразие, на фоне которого рельефнее обрисовалась и культура собственного народа – русского, алтайского, украинского и любого другого. Благодаря практике исподволь зародилась мысль о самоценности каждой этнической культуры, её уникальности. Традиционные ценности немецкой культуры были прочувствованы, восприняты и усвоены, а, следовательно, они превратились для молодых людей в культурное наследие, ибо только став ценностью для общества, элементы жизнедеятельности народа превращаются в культурное достояние.

Более того, этнографическая практика актуализировала немецкие традиции и для самих немцев. Они почувствовали неподдельный интерес к своей истории, культуре, причём не только со стороны немцев, но, что особенно важно, со стороны других народов, точнее молодого поколения этих народов. Тем самым и в глазах российских немцев их культура превратилась в культурное наследие всех народов нашей страны. О немецком гостеприимстве, радушии, щедрости угощений, доброжелательности, чувстве такта и достоинства, пунктуальности и аккуратности все участники практики узнали не понаслышке, и российские немцы для них будут ассоциироваться именно с этими чертами этнического характера.

О.М. Рындина

РАСКУЛАЧИЛИ ЗАОДНО*
(о Карле Генриховиче Биттнере)

Днепропетровская область стала малой родиной для Карла Генриховича Биттнера (1926 г. рождения) и его родителей – Биттнер Генриха Евдокимовича и Берты Георгиевны (1902 г. р.), в девичестве Бродт. В семье росло трое детей, и, казалось, ничто не предвещало беду. Но в 1930–1932 гг. семью раскулачили. Пострадали за веру. Родители были лютеранами, а дед служил старостой в церкви. Его то и подвели под статью о раскулачивании, а так как дед жил вместе с отцом, заодно сгребли и его семью, хотя в хозяйстве было только 2–3 лошади и не имелось никаких наёмных рабочих. Сослали в Луганскую область, а затем вернули в родную деревню – поселение № 7. Биттнеры остановились у брата матери. Вскоре семья попала под новую волну раскулачивания. На сей раз велено было собираться быстро, всё имущество сложить в кучу и оставить. Обещали привезти его позднее. Практически в чём были люди – в том их и отправили, на сей раз в деревню Плотниково Промышленновского района Кемеровской области. Расселили по квартирам. Биттнеров подселили к семье Егоровых. Хозяева хорошо отнеслись к ним, хотя всем пришлось тесновато. В 1933 г. умер отец. Он носил на коромысле воду в столовую. Туда привезли рыбу в бочке, и ему дали две рыбины. Ими он и отравился. Все тяготы легли на плечи матери.

В августе 1942 г. семью перебросили на север, в деревню Нарга Молчановского района. Расселили по квартирам, и здесь не было вражды к переселенцам. В 1943 г. Биттнеров вместе с другими немецкими семьями перевезли в Мегипугольское Александровского района. Там жили русские и одна семья остяков, т.е. хантов. Приютом для переселенцев стал двухквартирный дом, в котором посе-

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

лили 12 семей, а утром уже отправили на работу. Карл Генрихович попал в рыболовецкий колхоз, занимался ловом рыбы, а мать работала в полеводстве, зарабатывала копкой картошки. Пищей в это время служила главным образом рыба – чебак и др. Одного сына забрали в трудармию, и из семьи остались лишь мать и двое детей. Тем не менее постепенно удалось скопить немного денег и купить небольшой домик.

Собственной семьёй Карл Генрихович обзавёлся в 1947 г., женившись 27 декабря на Анне Фёдоровне Эйшнер, с которой они вместе рыбачили в колхозе, работали на лесозаготовках, где и познакомились. Благословения на брак жених просил у матери невесты, лишь после этого зарегистрировались. Постепенно налаживалась мирная жизнь, в 1951 г. колхоз соединили с Лукашкинским. В 1957 г. произошло важное событие – немцев освободили из-под спецкомендатуры, можно было выбирать новое место жительства. Карл Генрихович с семьёй уехали в Кемеровскую область, где прожили 7 лет, но затем вернулись. Там платили мало, в нефтеразведке заработная плата ещё устраивала, а на других производствах – совсем крохи. Вербовали на работу на Украину, но без предоставления квартиры, а в семье Биттнеров к тому времени было уже шестеро детей. Их жизненные пути пролегли по Сибири: Саша (1948 г. рождения), геолог, преподаёт в Красноярском университете; Ольга, бухгалтер, живёт в Александровском; Лидия (1953 г. р.), медсестра, осела в с. Мельниково; Мария, работает акушеркой; Андрей, охотник, остался верен с. Александровское; Андрей, трагически погиб в 1985 г. возле дома от рук хулиганов.

Возвращение в Нарымский край произошло через Лукашкино, а в 1977 г. Биттнеры переехали в Александровское. Купили здесь дом, сначала хотели отремонтировать, но затем решили построить новый. В совхозе выписали круглый лес – сосну и возвели с зятем, Иосифом Ивановичем Эберсом, новый дом. В нём и поныне живёт Карл Генрихович вместе со своими воспоминаниями.

Они выхватывают и сохраняют и будни, и праздники. Памятны ему первомайские демонстрации в советское время, когда за коллективным застольем собиралось по 20 человек. Коллективно отмечали и 8 Марта, но подарки женщинам в этот день не дарили. Застолье устраивали и по случаю дней рождения, которое, напротив, предполагало подарки. С размахом праздновали Новый год. Собирались по очереди, каждый приносил к общему столу, что может, в результате

стол ломился от блюд. Обязательно пекли булочки, пироги. Делали колбасы: из свинины на мясорубке крутили фарш, начиняли им вычищенные кишки, завязывали их и коптили в трубе. Чтобы удобнее было начинять кишки фаршем, к мясорубке крепили специальную трубку. Вспоминается Карлу Генриховичу и хлеб, который 2 раза в неделю в русской печке пекла его мать на всю семью. Выкатанные булки она клала на лист, а когда они поднимались – сажала в печь. Хлеб получался мягким, пышным, вкусным – не то, что сейчас. На месяц покупали мешок муки, и весь он расходовался.

Настоящее время для Карла Генриховича наполнено 13 внуками и 12 правнуками. Он постоянно следит за текущими событиями в мире, любит порассуждать о них, много читает. Уезжать в Германию не собирается, отвечая вопросом на вопрос: «А кому я там нужен?» По соседству с ним живёт дочь, Ольга Карловна Эберс, которая чутко и внимательно относится к отцу, каждый день забегая справиться о здоровье и помочь по дому. Здесь Карл Генрихович любим и нужен.

Е.С. Заковряшина

В НАЗИНО ПРОЖИЛИ ПОЧТИ ВСЮ ЖИЗНЬ
(о Лилии Карловне Шишковой)

Во время этнографической практики я собирала информацию о культуре немцев-переселенцев. Мне повезло, и моя встреча состоялась сразу с Лилией Карловной Шишковой, а также с её матерью, которой исполнилось уже 99 лет, и сыном. Они живут все вместе, в одной квартире, в селе Александровское, ведут небольшое домашнее хозяйство, помогают друг другу. В семье меня встретили тепло, и во время приятной беседы я получила много полезной информации.

Лилия Карловна Шишкова (девичья фамилия Лобес) родилась в 1955 г. в деревне Амбары, находившейся в 200 км от с. Александровское и не существующей ныне. Мать, Мина Яковлевна Лобес (в девичестве Дорн), родилась в Саратовской области, в «семье долгожителей», как отметила она сама. Отец, Карл Иванович, родом из тех же мест. Ее деды жили богато, вели большое хозяйство: держали овец, коров, свиней, выращивали овес, табак. Работы хватало на всех с избытком, и дети приобщались к ней с шести лет, будучи умелыми на все руки.

За достаток и трудолюбие и поплатились. В 1933 г. семья была сослана в Прокопьевск. Когда переселяли, времени на сборы не дали. Кто-то хотел взять с собой самовар, но и его вырвали из рук. Когда ссылали, Карлу Ивановичу было около 20 лет. Ему одному пришлось воспитывать пять младших братьев и сестер: мать повесилась, не пережив горя, а отец умер от разрыва сердца, когда пытался догнать поезд, который увозил его детей. Старший брат отца, Давыд, сбежал, ещё один брат, Иван, пропал без вести более чем на 20 лет, и его нашли только через немецкую газету в Пятигорске. Карл Иванович не был призван в трудовую армию в 1940-е годы скорее всего из-за детей, которые находились на его попечении.

В Прокопьевске прожили 9 лет. Все это время ютились в бараке, где располагалось много семей. Карл Иванович работал на шахте. С будущей женой, Миной Яковлевной, познакомился, когда ещё жил в Саратовской области. Их семьи были дружны. Поженились в Прокопьевске. После сватовства устроили девичник, где девушки плясали и играли. Венчания не было из-за отсутствия церкви. Свадьбу сыграли в доме жениха. Позвали много гостей, накрыли обильный стол. Пили компот, красное вино из вишни. Брагу не пили никогда. Гуляли два дня. Невеста была одета в белое платье в красный цветок, но без традиционных венка и фаты, а жениха нарядили в чёрный костюм, украшенный белой лентой. Обоим к одежде приколоты букеты. С невестой привезли большой сундук приданого. После свадьбы поселились в доме жениха. Мина Яковлевна работала на кирпичном заводе. Отдельный дом для семьи не строили – боялись, потому что немцев притесняли. В семье росло 7 детей, и Карл Иванович даже не хотел учить их родному языку. Дома по-немецки разговаривали только родители и старшие дети. Мина Яковлевна закончила 3 класса, Карл Иванович – 7, а детям стремились дать образование, и все они закончили десятилетку.

Из Прокопьевска семья переселилась в Амбары. Здесь обустроились, развели большое хозяйство. Следующим пунктом переселения стало Назино, где родители и прожили почти всю оставшуюся жизнь. Отец рыбачил, работал в колхозе, построил дом на 4 комнаты. У немцев дома всегда были чистыми, ухоженными, обязательно украшали резьбой ставни и карниз. Умер отец в возрасте 79 лет в Назино. Из-за резко пошатнувшегося здоровья Мину Яковлевну в 2010 г. дочь, Лилия Карловна, увезла из Назино в село Александровское, где к тому времени обосновалась сама.

Будучи католиками, члены семьи много молились на Рождество, накануне ставили ёлку, вешали на неё конфеты и игрушки. Ходили в гости к родным, дарили подарки, но это не считалось обязательным, пели праздничные песни и молитвы. В ночь после Рождества разрешалось шалить молодым.

На Масленицу ездили на лошадях, жгли чучело, плясали. Праздновали только два дня, потому что было много неотложной работы по хозяйству.

Перед Пасхой держали строгий пост. На Пасху нарядно одевались, читали коллективные молитвы до 11 часов дня, потом устраивали гуляния.

На праздники стряпали «кухе», варили суп с лапшой, тушили в печке капусту с галушками («книс»), варили компот с галушками – «шницсуп». Он готовится так: варят обычный компот, потом вынимают из хлеба мякиш, перемешивают его с компотом и заправляют сливками.

Готовили в русских печах, хотя они отличаются от немецких: первые «круглые», т.е. подквадратные, а немецкие – более удлинённые. Делали колбасу – ливерную, мясную, сальную, её и варили, и коптили. Готовили холодец, бигус – блюдо из свинины или баранины: тушат капусту с мясом, укладывая их слоями и добавляя жареный лук. Молочные блюда включали молочный суп, ряженку (в духовке оставляли томиться жирное молоко, а потом его заквашивали), молочный кисель. Квасили молоко. Вареники обязательно обмакивали в топлёное масло. Пекли калачи из чёрной ржаной муки, замешанной на сливках, без добавления дрожжей.

Сейчас Лилия Карловна, её мать и сын – три поколения – живут вместе, заботятся друг о друге. Они помнят о своих корнях, уходящих в тяжёлые времена, но о прошлой жизни вспоминают с гордостью и грустной улыбкой.

О.М. Рындина

ДРУЖБА, НАЧАВШАЯСЯ В ПОВОЛЖЬЕ* (о Мине Андреевне Штумпф)

Мина Андреевна Штумпф (Могель) родилась в 1936 г. в Прокопьевске. Сюда из Поволжья в 1930-е годы выслали её родителей как кулаков. Отец, Андрей Данилович Могель, родился в 1915 г., а мать, Эмма Яковлевна, урождённая Клаус, была ровесницей революций 1917 г. Отца в Прокопьевске определили работать на шахте. В семье росло четверо детей: дочери Мина, Берта и Яна, а также сын Витя. Подневольные переселения по Сибири продолжились в 1942 г., когда семью выслали в Колтогорск. Сначала её поселили в 10-квартирном бараке, но вскоре был возведён срубный дом, на постройке которого трудилась вся семья. Дом казался настоящими хоромами: 2 комнаты и кухня. Отец в это время работал на Александровском рыбозаводе, рыбачил, а мать трудилась на рыбпункте.

Мина Андреевна закончила 10 классов, и её назначили заведующей детским садиком. В Колтогорске она вышла замуж за Михаила Штумпфа. В Поволжье семьи их родителей жили рядом, дружили. Родителей Михаила тоже сослали во время кампании по раскулачиванию. Детская дружба переросла в более сильное чувство, и Михаил заслал сватов. Свадебный стол накрыли человек на двадцать. Позвали соседей, родственников, знакомых – все жили дружно. Гостей угощали разнообразными блюдами из рыбы – фаршированной, варёной, жареной, а также тушёной капустой, с кусочками рулета из теста, смазанного маслом, – «штруделя», варёной картошкой, в качестве обязательного угощения подавали немецкий пирог – «кухе», посыпанный крошкой из теста. Гости усаживались за стол, угощались, дарили подарки. Невеста красовалась в новом платье из синей ткани, жених был наряжен в костюм и рубашку. Всеобщее веселье

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

сопровождалось танцами, главным образом вальсом. Праздновали свадьбу один день – 22 декабря.

Колтогорск был расположен в низком месте, и каждую весну его затопляло так, что по улицам приходилось перемещаться на лодках. По этой причине семья Мины Андреевны в 1966 г. переехала в с. Александровское. Здесь купили дом у Кости Дортмана. Немаловажным обстоятельством было расположение дома вдали от реки. Семью родителей Дортмана также сослали в Сибирь как кулаков. После реабилитации он собрался уезжать на Кубань, поэтому и продавал дом. Семья Штумпф переезжала в дом, уже имея трёх детей: двух дочерей, Катю и Валю, и сына. Мина Андреевна с мужем пристроили третью комнату, а затем возвели на дворе многочисленные хозяйственные постройки.

Срубный дом ориентирован на юг. Крыльцо под навесом ведёт в сени, из которых можно попасть в кладовую и жилое помещение. Последнее включает в себя прихожую, зал-спальню и кухню, которая отделена печью, расположенной у стены возле входа. В единый комплекс с жилыми постройками входит и баня, точнее ряд мини-помещений, крытых односкатной крышей: клеть с сундуком, предбанник и баня. В холодную зимнюю пору баня, примыкающая к жилищу, очень удобна. Перпендикулярно к дому и параллельно улице высятся сплошной ряд внушительных построек. Его начинает срубная летняя кухня, которую в настоящее время Мина Андреевна сдаёт квартирантам. Далее расположены дощатый телятник с настилом, примыкающим к уличной стороне, сарай-дровяник, к которому пристроены птичник, туалет и небольшое помещение «для всякого хлама». Завершает ряд хозяйственных построек двухъярусная стайка из бруса. Нижний ярус предназначен для содержания скота и разделён перегородками на помещения для коров, телят и свиней. Верхний ярус отведён под сеновал. Продолжая линию хозяйственных построек, через тротуар, ведущий к дому, находится дощатый сарай. Пространство между домом и хозяйственными строениями занимают насаждения ягодных кустарников, а за домом расположен большой огород с картофельным полем. Вся усадьба и сейчас выглядит добротно и основательно, подчёркивая мастерство хозяина-строителя.

Семья всегда вела домашнее хозяйство. Держали 1–2 коров, телят, поросят, овец, кур. В огороде сажали много картошки, на грядках выращивали морковь, свёклу, редьку, позднее в теплице садили и помидоры. После смерти мужа в 1991 г. Мина Андреевна ещё лет

10 держала скот, хотя водопровода в доме не было, и воду приходилось носить из колодца. Сегодня о былом размахе хозяйства напоминают лишь пустующие надворные постройки, но огород по-прежнему ухожен.

По воспоминаниям Мины Андреевны, раньше немцы в Александровском отмечали религиозные праздники, а также Новый год и советские праздники – 7 Ноября и 1 Мая. На праздники собирались вместе, готовили «штрудели», в жаровне тушили мясо, сверху укладывая картошку, жарили котлеты. По будням варили супы: гороховый, рисовый, борщ. Фасоль не выращивали и блюда из неё не готовили.

В доме Мины Андреевны в настоящее время собирается на коллективное богослужение община лютеран, существующая в Александровском. Это пять женщин, для которых каждая коллективная молитва – праздник, дарящий встречу с близкими по духу людьми, радость общения на родном немецком языке.

О.М. Рындина

ВЕРУ ПРОНЁС СКВОЗЬ ВСЮ ЖИЗНЬ*
(об Иване Ивановиче Юнемане)

Молитвенные лютеранские книги, привезённые немецкими семьями в Сибирь из Поволжья, стали олицетворением родины, они хранили в себе наиглавнейшие представления о собственном народе, его истории и культуре. Именно религиозные традиции сформировали своеобразие немецкого мировидения и стали выражением народного духа. По этой причине отправление культовой практики, пусть даже в крайне урезанной форме и тайной на протяжении десятилетий, составляло неотъемлемую часть немецкого быта в Сибири. По этой причине и по сей день почти в каждой немецкой семье Александровского бережно хранятся священные тексты, напечатанные готическим шрифтом. Существует и лютеранская община, которую долгие годы возглавлял Иван Иванович Юнеман.

Родом он из Поволжья, точнее с. Маркенталь Фёдоровского района Саратовской области, год рождения – 1911. В 1933 г. семью Юнеман раскулачили и выслали в Прокопьевск, где в 1939 г. родилась дочь Фрида. Её рассказ об отце и лёг в основу настоящей статьи.

В 1942 г. семью Ивана Ивановича, как и многие другие, вывезли из Прокопьевска в Нарымский край. Высадили в Лукашкине вместе с семьями братьев Владимира и Виктора. До 1951 г. жили «под спецкомендатурой». Отца Фриды в годы Великой Отечественной войны забрали в трудовую армию, где буквально умирали с голоду. Фриде на всю жизнь запомнился рассказ отца «про сусликов». Трудармейцы, спасаясь от голода, ловили сусликов и ели. Особенно оголодал и обессилел дядя Яша, который никак не мог дожидаться, когда же сварятся суслики. Его попросили немного потерпеть, он отошёл и прилёг отдохнуть и... умер, не дождавшись варева.

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

После войны братья Иван и Владимир занялись в Лукашкине пимокатным делом. Их заприметил директор Александровского промкомбината Цицирин. В промкомбинат входили столярная мастерская, кирпичный завод и другие производства. Братьев забрали в Александровское, и зиму семья жила без Ивана Ивановича. Ему вообще запретили перевозить семью на новое место. Решительно вмешался Цицирин. Весной, 2 апреля 1957 г., он приехал на лошадях и лично перевёз семью, хотя за ним неотступно следовал участковый, посылающий угрозы.

Поселились рядом с сапожной и швейной мастерскими. Здание, где располагались мастерские, стояло на месте разрушенной церкви. Иван Иванович всю оставшуюся трудовую жизнь провёл на промкомбинате, с него и ушёл на пенсию. В швейной мастерской с 1957 г. начала работать Фрида Ивановна. К зиме купили у русских домик, а в 1965 г. сами построили на его месте новый дом. Иван Иванович зимой работал пимокатом, а летом – на кирпичном заводе. Он с женой, Альмой Карловной, постоянно держал скотину: лошадей, поросят. Осенью поросят кололи, обеспечивая семью мясом. Домашним хозяйством перестал заниматься в возрасте 85 лет.

В семье Ивана Ивановича, кроме Фриды, росло ещё трое детей: Эмма (1936 г. р.), Давид (1947) и Александр (1957). Иван Иванович не собирался уезжать в Германию, когда появилась такая возможность, объясняя своё решение тем, что в России родились его родители, он сам, его дети и внуки. У Фриды Ивановны двое детей. Дочь Нина живёт в Александровском, работает в управлении культуры. Сын Иван отслужил в армии на Чукотке, остался там, а затем переехал в Германию, где живёт уже 14 лет. Но каждую осень он приезжает домой копать картошку, которой мать, как и все александровцы, засаживает большой огород. Его рачительные друзья в Германии советуют высылать деньги, на которые Фрида Ивановна сможет купить картошку на весь год, и недоумевают, почему это невозможно. А он им отвечает, что без огорода с картошкой его мать просто не сможет жить, и отправляется в Россию, на Томский Север.

Родители Ивана Ивановича были лютеранами и обязательно молились перед едой и перед сном. Этому распорядку следовали все в семье. В школе на Волге преподавали Закон Божий, и Иван рано уверовал в Бога. Веру он пронёс сквозь все жизненные трагедии, молился по книгам, привезённым в Сибирь родителями. Книги перешли по наследству к Фриде Ивановне. Среди них имеется и изда-

ние 1910 г. Когда появилась возможность, Иван Иванович создал в Александровском лютеранскую общину. Произошло это в 1954–1955 гг. Примерно в 1965 г. он дважды ездил в Казахстан, в Кустанай, в церковь, там и получил разрешение крестить, венчать и причащать. Крестить и венчать у лютеран может любой, а вот право причащать можно получить только от священника.

До середины 1960-х гг. не разрешалось проводить коллективные богослужения, а затем стали собираться легально, по очереди в домах прихожан. После смерти Марии Фёдоровны, жены Ивана Ивановича, в 1989 г. коллективные молитвы стали проводить только в его доме. По праздникам прихожане заполняли обе комнаты так, что яблоку негде было упасть. Здесь венчали, крестили, а перед Пасхой в четверг причащались. При жизни Мария Фёдоровна к причастию пекла небольшие печенюшки». Причащающиеся, человек по двадцать, вставали в круг, читали молитвы, отпивали по глотку красного церковного вина и съедали испечённую «печенюшку». Во время крещения Иван Иванович наливал в тазик воды, читал молитву и лил воду на голову ребёнку. Службы, проводимые по праздникам, различались только содержанием молитв. Специального облачения для совершения обрядов Иван Иванович не имел.

Желая узнать как можно больше обо всём, Иван Иванович много читал, особенно религиозную литературу. Он обладал прекрасной памятью. По характеру он был человеком мягким, добрым, убеждал словами и прихожан, и собственных детей. За всё время дети не слышали от него ни одного худого слова. Мария Фёдоровна обходилась с ними намного строже. Родителей в семье было принято называть на «Вы». Отличался Иван Иванович и рачительностью, не любил тратить по-пустому ни копейки, но к празднику обязательно что-нибудь покупал и приносил в дом: шторы, палас. После смерти жены он стремился всё делать сам, даже хлеб и «кухе» пек в электропечке.

Знание немецкого языка в семье Иван Иванович считал обязательным. Брат Фриды хорошо разговаривал по-немецки, а она лишь понимала, а разговаривать не могла. Отец пообещал платить ей в день по 1 рублю, если будет учиться разговорному языку. И обещание своё выполнял.

Главным праздником в семье считалось Рождество. К нему обязательно ставили и наряжали ёлку. Этой традиции следовали и в самые трудные времена: в Лукашкине украшали ёлку самодельными

цепочками, конфетами, так как игрушек взять было негде. Под Рождество женщины пели под окнами. Немцы-католики палили из самодельных «ружей» на Рождество и во время свадьбы, когда невесту вводили в дом жениха. У лютеран это не было принято.

Умер Иван Иванович 22 августа 2003 г., но община, созданная им, существует, хотя прихожан в ней заметно поубавилось. Фрида Ивановна регулярно ходит на лютеранскую службу: побудет там, помолится, и спокойствие появляется. В настоящее время в общине нет лидера. Всё решают коллегиально. С сожалением Фрида Ивановна отметила, что немецкая молодёжь не проявляет особого интереса к лютеранству. Её дети и внуки тоже не лютеране, ведь сноха и зять – русские. Среди молодёжи популярнее сегодня йога, с 1970-х годов в Александровском активизировались баптисты. Всё это не внушает оптимизма, ведь лютеранство – это традиционно немецкая религия.

М.Ю. Чарышова

КРОВЬ – НЕ ВОДА
(о Кларе Валентиновне Вайгант
и Александре Валентиновиче Бахмане)

Родные брат и сестра, Александр Валентинович и Клара Валентиновна Бахман, пережившие страшные, тяжёлые годы войны, сохранили друг к другу удивительно тёплые чувства, отношения понастоящему родных людей. Они необыкновенно похожи. Глядя на них, можно сказать: «кровь не – вода».

Клара Валентиновна приехала сразу, как только Александр Валентинович сообщил ей о нашем приходе. В необыкновенно тёплой обстановке проходила наша беседа. Александр Валентинович поведал нам историю своей семьи, а Клара Валентиновна рассказала много интересного о немецкой культуре: мы узнали, как проходила её свадьба, попробовали вкусную немецкую выпечку – кребель. Но обо всём по порядку.

Александр Валентинович и Клара Валентиновна Бахман родились и выросли в большой дружной семье, помимо них, в семье насчитывалось ещё 9 детей. Александр Валентинович родился 1 февраля 1935 г., а Клара Валентиновна – 29 августа 1941 г. в с. Новокрыловка Саратовской области. Отец, Валентин Фридрихович Бахман, работал на почте, мать, Анна Михайловна, занималась детьми и личным хозяйством, состоящим из коров, свиней, кур. Рядом с домом рос большой сад с яблонями, грушами, арбузами. Это всё, что сохранила детская память Александра Валентиновича о жизни своей семьи в Поволжье.

Как гром среди ясного неба прозвучал приказ от 28 августа 1941 г. о депортации немцев Поволжья на территорию Сибири и Казахстана. Семью Бахман депортировали 4 сентября 1941 г. Напомню, что Клара Валентиновна родилась 29 августа, и на момент депортации ей было всего 5 дней. По словам Александра Валентиновича, на сборы было дано три дня, собрали только самое необходимое: одежду и продукты. Когда немецкие семьи покидали родное село,

рѐв стоял страшный. Всех домашних животных оставляли без присмотра. Родители тоже со слезами на глазах уходили из своего дома. Везли на телегах до ближайшей железнодорожной станции, затем погрузили в «телячьи» вагоны и отправили в Сибирь. «В Сибирь мы прибыли только в начале октября», – замечает Александр Валентинович. Для семьи Бахман дорога оказалось очень сложной и не только из-за продолжительности в месяц. На руках была новорождённая Клара, которой постоянно требовалось менять пелѐнки, и отец сушил их на своей груди.

Первую ссылку семья отбывала в с. Черепаново Новосибирской области. Жили в стайке для коров, которую, как смогли, обустроили для жилья: почистили, проштукатурили, побелили. Обменяв вещи на картошку, посадили её весной, но ровно через год последовала вторая ссылка, на сей раз в с. Могочино Нарымского края, расположенное на левом берегу Оби. Чтобы хоть как-то перезимовать, вырыли землянку. Анна Михайловна пошла работать телятницей в колхоз. Отца в 1942 г. забрали в трудовую армию и отправили работать в колхоз села Александровское. Воссоединиться семья смогла только в 1947 г. Сначала жили в свинарнике, а затем колхоз выделил небольшой старый дом. Всего через год на отца напал разъярённый бык, и спустя некоторое время Валентин Фридрихович умер в больнице. Вместе с братьями и сестрами Александр Валентинович пошел работать в колхоз, где трудился всю свою жизнь.

Собственными руками он построил три дома. Первый дом был построен в 1957 г. из сосновых и кедровых брёвен. Работая зимой на лесозаготовке, Александр Валентинович заготавливал лес и для колхоза, и для своего дома. Второй дом появился на месте первого в 1970 г.. Третий, большой дом из бруса, Александр Валентинович построил в 1978–1979 гг.

Женился он в 1957 г. на Ольге Ивановне Альберти. Со своей будущей супругой познакомился на молодѐжном вечере. Свадьбы из-за сложного материального положения не справляли, но союз оказался прочным: Александр Валентинович и Ольга Ивановна прожили в счастливом браке 41 год. В их семье родились три сына. Всю свою жизнь Ольга Ивановна проработала в промкомбинате. Домашнее хозяйство у семьи было небольшое: коровы, свиньи, куры. С улыбкой и печалью в глазах рассказывал о своей жене Александр Валентинович. Ольга Ивановна скончалась в 1998 г. от тяжѐлой болезни.

Сейчас Александр Валентинович живёт один, и хотя он содержит дом и двор в образцовом порядке, всё же ощущается отсутствие женских рук. В доме Александра Валентиновича стоит фабричная мебель, а в кладовой хранятся сундук и шкаф ручной работы местного мастера Латигана. Интерьер украшают вышивки Клары Валентиновны, которую всему обучила мама, Анна Михайловна – большая рукодельница. Она пряла пух и вязала платки.

Когда мы зарисовывали план усадьбы, то были поражены чистотой и ухоженностью огорода, планировкой стайки, учитывающей каждый элемент хозяйства. Александр Валентинович не только умелый строитель, но и талантливый техник, своими руками собравший трактор, который он называет ласково «тракторёнок». И это несмотря на то, что он не имеет никакого технического образования. «К сожалению, я закончил только 5 классов, больше учиться не позволяли», – с горечью сказал Александр Валентинович. За время своей недолгой учёбы он зарекомендовал себя как способный ученик, помогал учителям заполнять журналы благодаря своему каллиграфическому почерку, рисовал плакаты.

Клара Валентиновна, выйдя замуж, сменила фамилию на Вайгант. Свадьбу справили 7 ноября 1960 г. Молодые люди встречались совсем непродолжительное время, и когда пожаловали сваты (сёстры жениха и его друг, кузнец-весельчак Андрей Крамер), Клара Валентиновна растерялась, но всё же ответила согласием и никогда в своей жизни не пожалела о принятом решении. Мама Клары Валентиновны, Анна Михайловна, мечтала сыграть свадьбу младшей дочери по-немецки, потому что у других детей и свадеб-то не было – не до того было. К свадьбе готовились задолго до торжества, поставили брагу, пиво и запаслись продуктами. На праздники всегда ставили брагу: во флягу или бочку клали сахар, дрожжи, хмель, пластинки картошки и всё заливали водой. Затем ставили в тёплое место, где держали не менее 10 дней.

При строжайшей тайне, в другом доме проходило венчание молодых. Этого страстно хотела, мать Клары Валентиновны. В обряде участвовала Агата Эберс, она же и роскошный венок из восковых цветов сделала для невесты. Свадебное платье Клары Валентиновны было сшито из белого капрона, который с большим трудом приобрёл в местном райпо жених. К платью прикрепили искусственный цветок. Жених был одет в чёрный костюм, к пиджаку тоже был прикреплён цветок с белой ленточкой.

«Свадьба была весёлой, с песнями, танцами», – замечает Клара Валентиновна. Праздничное застолье изобиловало блюдами русской и немецкой кухни: холодец, винегрет, пирог-«кухе», выпечка, пугала «штрудель» и др. Танцы открыла молодая чета нежным вальсом, затем гости дарили подарки: сундук, кружки, чашки, ложки. Приданое невесты включало постельный комплект белья, матрас, одеяло, подушки. Самым памятным и дорогим подарком Клара Валентиновна считает наручные часы, преподнесённые родным братом Александром. Он знал, что сестре очень хочется их иметь. Слезы навернулись на глаза невесты, когда брат с другом вручили ей этот подарок. Даже сейчас, при воспоминании о подарке, глаза Клары Валентиновны засверкали от набежавших слезинок.

Свадьбу праздновали три дня всем колхозом. В первый день у невесты украли туфлю и возвратили только за выкуп. На второй день сняли с невесты венок, который Клара Валентиновна подарила своей лучшей подруге.

Праздничный календарь семьи включал такие дни, как Рождество, Пасха, 9 Мая, 7 Ноября, 8 Марта.

Рождество справляли 25 декабря, наряжали ёлку, накрывали большой стол и ждали бабушку «Крискинди», которая дарила подарки, а непослушных детей пугала прутиком.

На Пасху красили яйца отваром луковой шелухи. Стряпали «кухе», «кребель». Клара Валентиновна поделилась рецептом «кребеля». Тесто замешивают из муки, яиц, простокваши, соды, соли, сахара. Затем раскатывают и разрезают на полоски, делая в середине каждой надрез, и перевивают, пропускают через него один конец полоски. Жарят на растительном масле. Огромную миску приготовленных «креблей» Клара Валентиновна принесла в интернат, где остановилась наша группа практикантов, и щедро угостила нас немецкой выпечкой. К немецким блюдам она отнесла и суп, приготавливаемый особым образом. Белый хлеб нарезают на кубики и обжаривают на масле. Разбивают яйцо и, постоянно помешивая бульон, выливают в него, добавляя сметану и кубики хлеба.

Будни и праздники, тревоги и надежды, невзгоды и радости – всё перемешалось в истории большой семьи Бахман, волей политических вождей оказавшейся в Нарымском крае. Родственные связи помогли выжить, достойно преодолеть трудности, а нежные чувства брата и сестры друг к другу согревают их и по сей день.

В.С. Ефремова

«РАНЬШЕ БЫЛО ЛУЧШЕ»
(о Владимире Александровиче Вернере)

В мощном потоке вынужденного переселения немцев из Поволжья в Сибирь оказалась и семья Вернера Владимира (Вольдемара) Александровича. Он родился 21 мая 1939 г. в Саратовской области, Кукуусском кантоне, как раньше назывался район, селе Альт-Варенбург. В этом же году в Поволжье в семье Шерер родилась и его будущая жена. Глава этой семьи, Фридрих Генрихович, был прекрасным столяром, изготавливал шкафы, ларцы и сундуки. Обе семьи в 1941 г. насильно вывезли в Сибирь.

Тяжёлое время переселения и выживания на новом месте Владимир Александрович почти не помнит: был слишком маленьким. Из этого периода жизни в памяти всплывает барак, в котором поселили родительскую семью. В маленькой комнате ютилось 9 человек. В 1946 г. в семье родились двойняшки – Эрика и Роза, после чего отцу выделили лес на постройку дома.

Первый дом из круглого леса в Александровском Владимир Александрович построил для своей семьи в 1963–1965 гг. В нём было 2 комнаты и большая кухня. Второй дом, в котором живёт и поныне, возвёл в 1971 г. тоже из круглого леса. «Земотдел» определил участок леса для рубки и выписал «лесобилет», который семья выкупила. Лес-кругляк заготавливали сами, на постройку рубили хвойные деревья – сосну, пихту. Всё время строительства семье постоянно оказывали помощь односельчане.

На усадьбе расположены дом, к которому примыкает с улицы гараж, справа – баня, напротив – хозяйственные постройки, выстроенные в ряд. Дом, начинающийся верандой и отгороженной от неё кладовой, состоит из четырёх комнат: кухня, зал и две спальни. Печка расположена в центре дома и обогревает все комнаты. В доме девять окон, поэтому комнаты светлые, уютные. Перед домом расположен ухоженный цветник. За ним выстроена баня 4×3 метра. Внутреннюю часть усадьбы занимает огород, где на грядках растут

морковь, свёкла, лук, чеснок, кабачки, в теплице – огурцы, в ягоднике – виктория (земляника) и кусты смородины, но основная площадь отведена под картофель. За огородом, за которым находятся хозяйственные постройки, включающие в себя дровяник в 5×7 метров, пригон для скота и стайку в 5×6 метров. На личном подворье содержится скот: коровы, лошадь, овцы, которых разводят для шерсти. Хозяйка вяжет носки и рукавицы.

Владимир Александрович по профессии тракторист. Вспоминает, как в своё время и ходили на покос в совхозе, и грузили пароходы. Для переноски груза использовали приспособление из фанеры, которое наподобие рюкзака набрасывали на спину, а на него ставили мешки, ящики. Таким способом грузили пароходы. В Александровском действовал рыбокомбинат, где работала и жена Владимира Александровича. Консервы, производимые на рыбозаводе, перевозили на пароходах. Из них особенно запомнился «Карл Маркс». Позднее обскую волну стали рассекать туристические пароходы «Урал», «Михаил Ульянов», «Калинин», ходившие через Александровское от Новосибирска до Сургута и Нижневартовска.

Время своей трудовой жизни Вольдемар Александрович вспоминает не без удовольствия: «Раньше было лучше, чем сейчас, хоть и беднота кругом. Всё было чисто, все были дружные. Чем пара беднее, тем дружнее». Впечатляло проведение праздников, которые действительно были всенародными: собиралось всё село. На такие советские праздники, как День Победы 9 Мая и годовщина Великой Октябрьской социалистической революции 7 Ноября, проводили смотры художественной самодеятельности, в которых участвовали не только местные предприятия, но и приезжие коллективы.

Немецкие традиции сохранялись в семейных и календарных праздниках и выражались главным образом в праздничных блюдах.

Свадьба проходила два дня, и отмечали её в доме родителей жениха. В первый день танцевали, песни пели, приглашали гармонистов. Во время танца пристёгивали «денежку». На второй день молодые мели сор, а гости бросали на пол деньги – «мелочь» и сено. Для свадебного стола стряпали «кухе», «кребель», делали салаты. «Кухе» – это немецкая выпечка, и рецепт хорошо знают даже не стряпающие его мужчины. На противень кладут сдобное тесто, поливают его сладким сиропом, посыпают крошкой из растопленного сливочного масла и муки и ставят в печь. Хлеб пекли в семьях из дрожжевого теста, также стряпали пряники. Ещё одно немецкое

блюдо – «штрудель» – готовят так: раскатанное тесто смазывают растительным маслом, скручивают в рулет и нарезают на кусочки. Их кладут в кастрюлю поверх капусты, тушащейся со свиным мясом, когда внизу появится бульон, и плотно закрывают крышкой, а поверх неё прикрывают полотенцем. Делают «штрудель» и из морковки, и из капусты с картошкой. Стряпали и вареники с творогом, с картошкой, смородиной.

На Пасху красили яйца. Красили отваром из луковой шелухи и сеток (авосек). Сетки, предназначенные для переноски покупок, вываривали в воде, получая красный, жёлтый, оранжевый и другие цвета, и затем в растворе варили яйца. В основном на стол ставили яйца, зеленую проросшую пшеницу, конфеты, пряники. Также стряпали «кухе». Считалось, что гостинцы приносит зайчик, и, чтобы ребятишки как можно дольше верили в это, возле тарелок со сладостями делали из муки следы заячьих лапок.

На Рождество обязательно ставили ёлки, много маленьких елочек привозили из леса и ставили одну искусственную. Раньше делали украшения сами: бусы клеили из бумаги, снежинки мастерили из ваты, даже из жести вырезали, а на уличных ёлках вешали ледяные игрушки.

На Новый год преобладали мясные блюда. Варили холодец: обработанные паяльной лампой свиные ноги, голову тщательно промывали и варили 5–6 часов, затем отделяли мясо от костей, пропускали через мясорубку, заливали бульоном и остужали. Из курятины или свиной головы готовили блюдо, ставя вареное мясо под пресс. Делали колбасы, для чего кишки чистили и начиняли фаршем. Позднее стали использовать для оболочки целлофан. Жарили котлеты, в основном рыбные. Также стряпали пирожки, поскольку праздничный стол немцев немислим без выпечки.

Говоря с теплотой о немецких традициях, принесённых из Поволжья, Владимир Александрович не забывает и о том, что его жизненный путь оказался неразрывно связанным с Томским Севером, с которым у него связаны не только щемящие, но и греющие душу воспоминания.

М.Г. Жукова

ВРЕМЯ БЫЛО ТЯЖЁЛОЕ **(об Ирине Филипповне Геллерт)**

Ирина Филипповна Шредер родилась в 1938 г. в Куккуском районе Саратовской области. В 1941 г. её семью сослали в Сибирь, в село Болотное Новосибирской области. Оттуда переехали в Медведево, где жили до 1954 г.

В семье Шредер было 7 детей. Мать, Мария Яковлевна Вернер, умерла при родах, и в Медведево дети жили лишь с отцом, Филиппом Андреевичем. Хозяйства не было. Днём отец возил сено для совхоза, ночью – для частных. Время было тяжёлое, дети собирали картофельные очистки, выброшенные людьми, ждали, когда они прорастут, и сажали на раскорчёванном от пней участке. Надежда была лишь на картошку. Ели в основном всевозможные травы и ягоды, варили суп из крапивы. Недалеко от жилья текла речка Алёнка, где мережей и сачком ловили мелкую рыбу, которую ели без соли. Иногда удавалось получить у рыбозавода ставший негодным рассол, его использовали для засолки и вяления рыбы и как приправу к ней.

Жили сначала в телятнике, где отцу с детьми выделили одну клеушку на всю семью, потом вырыли землянку на берегу реки. Позже отец построил избушку, обмазал глиной, сверху накрыл берестой. Спали на мереже и сене, одеял не было. Вещей вообще не было, всё, что имели, променяли на картошку. Осталась на всех одна пара галош, а также сделанная отцом «ложка» из консервной банки. Однажды получили посылку от тёти, сестры отца, в которой находилось одно платье, рубашки, штаны, нижнее бельё. Естественно, такой роскоши не могла нарадоваться вся семья. Соседи, семья Аксёновых, помогли чем могли – делились мукой, давали детям по куску хлеба.

В 1954 г. семья Шредер переехала в Стрежевое, в колхоз, а Ирина Филипповна – в Александровское. На новом месте она устроилась нянечкой у учительницы Валентины Фитовны Могодюновой. Муж её работал «завторгом», а в хозяйстве у них была корова. Ири-

на Филипповна жила у хозяев и выполняла всю работу по дому, за что получала 25 рублей в месяц. Заработанные деньги она посылала своей семье в Стрежевое. В то время её «гоняла» комендатура, хотела вернуть к семье, в колхоз, но Валентина Фитовна заступилась за неё и отстояла. Девушка осталась в Александровском. Позже она смогла получить паспорт, когда с немцев сняли ограничение на получение документа.

Уйдя от Мотодюновых, Ирина Филипповна устроилась в столовую посудомойкой, но в знак благодарности продолжала помогать Валентине Фитовне. Через некоторое время подруга Ирины Филипповны, работавшая на почте, уехала жить в Сызрань, и она устроилась на её место. На почте она проработала до самой пенсии: сначала продавала книги, затем печатала телеграммы, потом стала почтальоном, а в итоге – междугородной телефонисткой.

Ирина Филипповна снимала квартиру у портнихи Марии Андреевны Кайзер, которая была своеобразной опорой в поддержании и сохранении традиций для немцев Александровского. Поскольку религиозная жизнь находилась под запретом, священников в селе не было, Марии Андреевне приходилось совершать для жителей обряды крещения, венчания, отпевания. Она читала молитвы на немецком языке. Также Мария Кайзер была «мастерицей на все руки»: она вырезала из ткани кружева, делала традиционные для немецких свадеб венки из восковых цветов и восковые цветочки-бутоньерки с длинными лентами для женихов. «Тётя Маруся Кайзер», как её называли жители села, никогда не брала денег за свою работу.

В 1957 г. Ирина Филипповна познакомилась с Эвальдом Карловичем Геллертом, за которого через год вышла замуж. Мария Кайзер полностью организовала её свадьбу: сшила штапельное платье, фату, изготовила венок для невесты и цветы с лентами для жениха, благословила, прочитала венчальные молитвы. Мария Андреевна даже ездила к отцу Ирины Филипповны, дабы «спросить разрешения» на брак. На свадьбу позвали много гостей и накрыли обильный стол, на который поставили как обычные блюда: мясо, сало, котлеты, рыбу, булочки, так и традиционные немецкие: «штрудель», «краут унд клейс», «кухе». На свадьбе пили брагу, играли на баяне и гармошке.

Ирина Филипповна поделилась рецептом «штруделя» от Марии Андреевны Кайзер. Он немного отличается от традиционного немецкого рецепта. Тесто, замешанное на стакане простокваши, двух яйцах, муке, соде и соли, она раскатывала на столе, затем скручивала

в рулет и целиком клала его поверх капусты, тушащейся со свиными ребрышками. Уже после тушения рулет нарезался на маленькие кусочки, которые обмакивали в топленое сливочное масло. Также Ирина Филипповна раскрыла рецепт галушек: капуста тушится с луком и свиным салом, сверху кладутся галушки – «клубочки» из кислого дрожжевого теста. После приготовления их макают в смесь из кипяченого молока, муки и сахара.

После свадьбы Ирина Филипповна и Эвальд Карлович полгода жили у его родителей, отца и мачехи, а затем купили маленькую избушку. После рождения второго сына молодые родители построили свой большой дом, куда переехали и где завели хозяйство: 2 коровы, свиней, огород, на котором выращивали картошку и прочие овощи. Эвальд Карлович первое время работал механиком по холодильным установкам в «Роспотребсоюзе», а потом устроился механиком в аэропорт, где и проработал до пенсии. Умер он в 2005 г., а Ирина Филипповна осталась жить в построенном ими доме вместе с семьёй одного из сыновей. Так переплелись в Александровском немецкие корни Шредеров и Геллертов и дали новые ответвления.

С.А. Кротова

ЧУВСТВО, ПРОВЕРЕННОЕ ЖИЗНЬЮ
(об Эмилии Фёдоровне
и Александре Александровиче Горст)

В жизни каждого человека, как в зеркале, отражается история в целом, события определённого периода. Сравнительно недавно в селе Александровское обосновалась семья Горст, история которой уходит в Поволжье. Глава, Александр Александрович, родился 28 июля 1929 года в г. Энгельс, прежде селе Роузенхай, Саратовской области. Здесь прошло его детство. Родители – Александр Фёдорович Горст и Мина Каспаровна (девичья фамилия Функ), соответственно 1906 и 1908 годов рождения. Они оба работали в колхозе, где разводили скот: коров, овец, свиней, лошадей и даже верблюдов и выращивали овощи, фрукты и хлеб. Домашнего хозяйства практически не было, продукты давали на трудодни.

В сентябре 1941 г. жителям дали 24 часа на сборы, посадили на поезд и отправили в Кемеровскую область. Там часть семей распределили в село Судженка возле Анжеро-Судженска. Расселили по квартирам к русским, которые отнеслись к ним с пониманием.

Жена, Эмилия Фёдоровна, в девичестве Эллер, тоже родилась в Энгельсе 25 марта 1930 года. Отец, Фёдор Фёдорович Эллер (1888 г. р.), служил писарем в армии, а после работал секретарём в колхозе. Мать, Елизавета Адамовна, часто болела и не работала. В семье росло четверо детей. Родители вели личное хозяйство: держали коров, коз, овец, поросят и кур. В огороде выращивали картофель, тыкву, сада не было.

Так же, как и семья Горс, Эллеры были отправлены в Сибирь. После объявления о выселении быстро собрали в дорогу вещи и продукты. Забили поросёнка, мясо пережарили, залили жиром, сложили во флягу и привезли в Сибирь. Мебель с собой не брали, да её и не было почти. Весь скот согнали в общее стадо и оставили. Когда приехали русские доить коров, сожгли половину села. Немцы отапливали помещение соломой, высушенным кизяком, и лишь зи-

мой разрешалось рубить на дрова тальник. Русская молодёжь на дрова использовала дома. Зимой 1941 г. встретили в Кемеровской области. Весной посадили огород, а осенью людей вновь сорвали с мест и отправили в Новосибирск. Там 3 дня сидели на берегу, затем всех погрузили на баржу, поплывшую вниз по Оби.

Высаживали партиями от Криволуцка, что расположен в 20 км от Назино, до Александровского. Семью Александра Александровича высадили в Назино, а Эмилии Фёдоровны – в Верхне-Вартовске. Там определили на рыбпункт. Поселили 5 семей в новом нештукатуренном доме. Он был холодным, согревался одной маленькой печкой из кирпича, в которой жгли лучинки. Старшего брата взяли в трудовую армию. Семья теперь состояла из родителей, Эмилии, её брата и снохи с четырьмя детьми. Позднее умерла сноха, и Эмилия должна была присматривать за её детьми.

На рыбпункте давали хлеб, продукты, поэтому сильно не голодали. Дети ходили в школу. Эмилия пошла в первый класс, хотя до этого окончила 2 класса в Энгельсе, но там преподавали на немецком языке, и ей предстояло освоить русский. Со временем семье дали отдельный дом. В 1946 г. она ещё уменьшилась – умерла мать.

Семья Александра в Назино 3–4 дня провела под горой – негде было жить. Затем на 2 дня поселили в амбаре, где хранили соль. Наконец разместили в конюшне – каждой семье отвели стойло. Крыша была покрыта соломой, окна не застеклены, зимой в них вставляли лёд, который постоянно таял. Александра сразу отправили возить сено. Когда он вернулся, всех переселили в построенный дом, из которого затем разошлись по землянкам – ямам с двухскатной крышей из брёвен, присыпанных землёй. В Назино жили 3 хантыйские семьи.

Дома, в Энгельсе, Александр окончил 2 класса, но ни слова не говорил по-русски. В Назино тоже учиться не пришлось, и русским языком он овладевал самостоятельно. В Назино семья практически исчезла; отца забрали в трудовую армию, младший брат умер, сестра вышла замуж и уехала. Александр с матерью поселился на квартире у бабушки. Она взяла с условием, что он с матерью будут работать у неё по хозяйству: ухаживать за скотом, возить воду, готовить еду. Присмотревшись к немецкому пареньку, хозяйка однажды сказала: «Александр, тебе надо жениться».

Эмилия и Александр с детства хорошо знали друг друга и были свойственниками: тётя Александра была замужем за родным братом Эмили. Простая ребяческая симпатия со временем переросла

в большое сильное чувство. Молодые люди решили пожениться. Александр поговорил с отцом девушки (матери у неё к тому времени уже не было, она умерла в 1946 г.), получил его согласие и приехал на Новый год. Вечер устроили в январе 1952 г. в комнате у дяди Эмилии. Вот что вспоминает о нём Александр Александрович: «Гуляли свадьбу у дядьки, там собрались все родственники, было около 30 человек. Мы, молодожёны, были скромно одеты. Невеста – в серой юбке с розовой кофточкой, а я – в чёрных брюках и белой рубашке в розовую полосочку». Брак даже не стали регистрировать, и 10 лет супруги жили под разными фамилиями. За это время семья пополнилась тремя детьми.

Молодые поселились в Назино. Эмилия Фёдоровна работала на рыбозаводе: в колхозе за труд практически ничего не получали. Она обрабатывала рыбу, заготавливала зимой лёд. Сначала поселились на квартире у бабушки, но она вскоре переселилась в Тогур, продав дом. Пришлось обживать амбар на высоких ножках, стоявший во дворе, а после жить и под амбаром, ютиться у «добрых людей». Скитания закончились тем, что в 1953 г. Александр Александрович срубил дом из сосны, работая на лесозаготовке. Для молодых это был первый собственный уголок в Сибири. В нем прожили до 1960 г.

После конфликта с председателем глава семейства взял отпуск за свой счёт и вместе с супругой поехал в Кемерово, где осталось много родственников. Решили осесть здесь. Первый поход в контору с целью трудоустройства окончился неудачей: председатель колхоза-миллионера сказал, что ему работники не нужны. Однако разузнав о новичке у его двоюродного брата, работавшего в столярке, изменил своё решение. Для жилья предложили сруб, который Александр Александрович достроил вместе с братом. В этом доме семья и прожила до 1965 года. Супруги работали на молококанке. Казалось бы, всё складывалось хорошо: 7 деревень соединили в совхоз «Яйский», включили в него машинно-тракторную станцию, построили крупный бруцеллёзный изолятор для коров со спецапаратами по переработке молока. Однако рабочие начали болеть, и Александр Александрович решил искать другое место для жительства.

Вернулись в Назино. Прежний председатель помог построить дом 9×12 м. Вернулся отец Александра Александровича, отсидевший без вины 10 лет после трудармии. Почти полвека родители мужа прожили в семье, которая насчитывала 8 человек, включая четырёх детей: Нину, Ирину, Фёдора и Александра. Большая семья

держала своё хозяйство: коров, свиней, продуктов хватало самим, ещё и зарабатывали продажей молока и мяса. В 1970-х – первой половине 1980-х гг. в Назино существовала крупная ферма, на санпропускнике которой были устроены 2 сауны. Александр Александрович работал скотником, учётчиком, так и до бригадира дошёл. Затем всё развалилось, и последующие 10 лет Александр Александрович ходил на катере.

Последним пунктом в семейных переездах стало Александровское, где в 2002 г. купили квартиру в многоэтажке, а затем дом, который обустраивают и по сей день. Хозяйственные постройки приобрели готовыми, лишь достроили баню. Внешнюю и внутреннюю отделку выполняли три поколения Горстов: отец, сын и помощник-внук. Внутреннее убранство дома исполнено добротной, качественно и в современных тенденциях. Немецкие традиции здесь минимальны, хотя раньше Эмилия Фёдоровна много вышивала, вязала кружева, носки, рукавицы с узором. Стены её дома украшали вышитые полотенца, наброшенные на картины, портреты. Всё своё рукоделие она отдала снохе, и о нём уже ничего не напоминает в интерьере. Сохранился лишь изящный резной стул, сделанный в Назино святом Зиннером, изготавливавшим мебель. Сейчас он живёт в Томске и принимает участие в областном «Празднике топора», демонстрируя своё мастерство.

Немецкие традиции проступают и передаются в семье в виде воспоминаний, охватывающих главным образом праздничную сферу. Празднуют Рождество (Weihnacht): наряжают ёлку, готовят «пострапушки». Раньше подарки за хорошую молитву по-немецки дарила «Крискинди», наряжаемая, как невеста. За плохую молитву наказывал прутиком «Пельцникель» или заставлял кусать лук. На Пасху (Ostern) красили яйца. Детвора оставляла в сених шапки, веря, что ночью заяц положит в них крашеные яйца, конфеты. Чтобы дети как можно дольше верили в это, взрослые возле шапок клали кроличий помёт. Младшие поколения Горст и сейчас оставляют шапки. Праздновали Пасху и по-русски.

Самым большим праздником в семье считают 9 Мая – День Победы.

Родители обоих супругов были лютеранами и передали Горстам священные книги, в том числе и напечатанные готическим шрифтом и датируемые началом XX века. Эмилия Фёдоровна умеет читать тексты с готическим шрифтом, каждое утро и по праздникам она обязательно молится. Раньше ходила на службу в общину.

Знакомишься с семьей Александра Александровича Горста и как будто пролистываешь странички истории, осознавая, как тяжело складывалась жизнь простых тружеников, которые испытали и на своих плечах вынесли все тяготы прошлого нашей страны. Многие родственники супругов Горст уехали в Германию, а они и не собираются. Удерживает обжитый ими Нарымский край, подрастающие поколения – 12 внуков и 10 правнуков. Бабушка с дедушкой, достойно пройдя по жизни, видят в них её продолжение, хотят передать им всё самое светлое и радостное, чтобы и потомки смогли вписать в историю страны новые странички, достойные их фамилии.

М.Ю. Чарышова

НЕУНЫВАЮЩАЯ ЖЕНЩИНА (об Анне Фёдоровне Дортман)

Именно такое название пришло мне в голову, когда было предложено написать статью об Анне Фёдоровне Дортман – женщине с удивительно жизнерадостным нравом, которая любит жизнь. И это несмотря на сложное время, выпавшее на её долю, на детство и юность, омрачённые депортацией немецкого народа, проживавшего на территории Поволжья, и Великой Отечественной войны, затронувшей каждого советского человека, на тяжелый труд в суровых условиях Томского Севера.

Когда мы шли в гости к Анне Фёдоровне, то и представить не могли, как запомнится нам эта встреча. Во-первых, это был дружелюбный, гостеприимный приём, во-вторых, Анна Фёдоровна оказалась очень интересным собеседником. Она рассказала о своей жизни, работе, семье и сыне.

Анна Фёдоровна родилась 1 марта 1930 г. в селе Варенбург Саратовской области в большой дружной семье, где воспитывалось много детей: два брата и четыре сестры. Отец Анны Фёдоровны, Фёдор Фёдорович Шерер (1902 г. р.), работал в колхозе. Мать – Мария Генриховна, в девичестве Штумф (1908 г. р.) – занималась детьми и домашним хозяйством, состоящим из коровы, свиньи и кур. Вся семья жила в двухкомнатном деревянном доме. Недалеко от дома находился большой огород, в котором выращивали картошку, капусту и другие овощи. К сожалению, это всё, что помнит Анна Фёдоровна о жизни своей семьи в Поволжье.

Страшным ударом для всех немцев стал приказ от 28 августа 1941 г. о депортации немцев Поволжья на территорию Сибири и Казахстана. Это коснулась и семьи Шерер. Её депортировали в конце августа 1941 г., предварительно дав немного времени на сбор вещей и продуктов на дорогу. Родители успели забить свинью на дорогу и

взять только самые необходимые вещи. Немецкие семьи погрузили на телеги и повезли к ближайшей железнодорожной станции, там их погрузили в «телячьи» вагоны и отправили в Сибирь. По дороге люди переносили голод, холод и другие лишения, почти месяц добираясь до конечной остановки. По прибытии в Новосибирск всю семью разместили в курятнике.

Через полгода последовала вторая ссылка, на сей раз семья родителей Анны Фёдоровны попала в с. Вагашинск. Здесь, чтобы можно было хоть где-то жить, сами соорудили землянку. В 1942 г. отца, Фёдора Фёдоровича Шерера, забрали в трудовую армию и отправили на строительство рыбозавода в с. Александровское Нарымского края. Вслед за главой семейства отправилась вся семья. Сначала всей большой семьей жили в бараке, и только со временем сумели построить небольшой дом. В годы войны мама, Мария Генриховна, устроилась прачкой на рыбозавод, а старшие братья – в колхоз. Сама Анна Фёдоровна, когда ей исполнилось 16 лет, в 1946 г., тоже пошла работать на рыбозавод, откуда её неоднократно отправляли на лесозаготовку. Здесь она и познакомилась со своим будущим мужем, Константином Давидовичем Дортманом (1929 г. р.). «Он обратил внимание на мой весёлый нрав», – поведала секрет своего успеха Анна Фёдоровна.

Константин Давидович Дортман был из раскулаченной немецкой семьи, проживавшей в селе Лукашино. Молодые люди поженились в 1953 г., вскоре приобрели сруб у Якова Гафнера, своими трудолюбивыми руками обустроили дом, настелили пол, вставили окна. В семье Анны Фёдоровны и Константина Давидовича родился единственный сын Владимир. Вместе супруги прожили шестьдесят лет, пронеся через годы трепетное и нежное отношение к друг другу. На мой вопрос, верующий ли она человек, Анна Фёдоровна ответила, что она всегда верила в Бога и всегда благодарила Бога за еду, дарованную в такое тяжёлое время.

Домашнее хозяйство Анны Федоровны и Константина Давидовича было небольшое: коровы, куры. Стоит отметить, что Константин Давидович увлекался техникой, он сам собрал инкубатор и трактор, сам провёл электричество в доме. Анна Фёдоровна – умелая рукодельница, она вяжет необыкновенной красоты кружева, одно из которых было подарено нашей группе и передано в музей, открыв-

шийся при Российско-немецком доме. Дом Анны Фёдоровны, хоть и небольшой, но очень опрятный благодаря стараниям хозяйки. В нём мы заметили комод и шкаф ручной работы, изготовленные местными немецкими мастерами. Несмотря на преклонный возраст, Анна Фёдоровна держит в чистоте и порядке огород, в котором выращивает картошку, капусту, лук, морковь и другие овощи.

Прощались мы с Анной Фёдоровной, как с родным человеком. В нашей памяти она останется человеком удивительно жизнерадостным, энергичным, живым, общительным. По дороге домой, в интернат, мы ещё долго обсуждали её поразительно оптимистичный взгляд на окружающее, её необыкновенно богатый внутренний мир.

А.И. Махнёва

ПЕРИПЕТИИ СУДЬБЫ **(об Элле Петровне Иост)**

Данная статья посвящена удивительно интересной, гостеприимной и доброжелательной женщине Элле Петровне Иост. Она родилась в 1936 г. в деревне Варенбург Куккусского района Саратовской области. Родители – Деринг Пётр Петрович и Деринг Валерия Андреевна (Функнер). По рассказам Эллы Петровны, отец умер в трудармии, в Тульской области, когда ей исполнилось 5 лет. Через некоторое время мать вышла замуж за Чернухова Арсентия Андреевича. В семье Элла Петровна была самой старшей, поэтому была няней для своих младших брата и сестры. В доме, помимо детей и родителей, жил брат отца Эллы Петровны, который много времени проводил с племянницей.

На Волге отец работал комбайнёром. У родителей Эллы Петровны был новый большой трёхкомнатный дом. «Мама шторы новые повесила, – вспоминает Элла Петровна, – на крыше хранились большие запасы яблок и сухофруктов. Люди уже сделали запасы на зиму перед тем, как их депортировали». В Варенбурге семья могла похвастаться большим хозяйством: содержали и коров, и кур. Многие жители деревни думали, что вернуться на Волгу через месяц, как закончится война, но жизнь показала, насколько может быть суровой и какие сюрпризы может преподнести.

28 августа 1941 г. вышел указ о переселении немцев с территории Поволжья. Это событие стало роковым моментом в их жизни. Скорее всего, советские власти опасались перехода немцев Поволжья на сторону врага, заботились о надёжности тыла Красной Армии. Времени на сборы у семьи Деринг было достаточно, потому что мать Эллы Петровны смогла вывезти с собой одежду, велосипеды и даже патефон, что было очень редким явлением. Обычно переселенцы собирались в спешке и могли прихватить с собой лишь немного еды и одежды.

Первой волной депортации стал переезд в Новосибирск. Практически все переселенцы рассказывали о том, как их везли в «телячьих» вагонах, в жутких условиях. «Каждой семье клетку выделили», – вспоминает Элла Петровна. В Новосибирске семьи селили в бараках, где жило по шесть-семь семей. Через некоторое время переселили в село Медведево Новосибирской области, везли туда в трюме парохода. По приезде в Медведево мать работала на рыбозаводе: потрошила шук, осетров, солила икру. Вторая волна депортации перебрала семью на Нарымский Север, в село Колтогорск. Сюда доставили в неводнике (большой лодке). Повзрослев, Элла Петровна начала работать на рыбозаводе, в консервном цехе. В Колтагорске на танцах встретила со своим будущим супругом – Александром Богдановичем Иостом. Он также родился в Саратовской области в 1931 г. До свадьбы «продружили» 4 года. Поженились 31 декабря 1955 г., так как свадьбы стремились приурочить к каким-либо большим праздникам. Для немецкой культуры обязательно сватовство и благословение родителей. В роли свата к матери Эллы Петровны приходил Андрей Андреевич Магель. На невесте на свадьбе было штапельное платье, на женихе – костюм. Свадьбу начинали молодые танцем, как правило вальсом. Празднование продолжалось два дня. На свадебном столе стояли винегрет, «кухе», пироги, холодец, солёное сало.

Из Колтогорска в село Александровское в 1969 г. Элла Петровна переехала уже вместе со своими детьми и мужем, так как девочкам надо было учиться. У супругов к тому времени родились 3 дочери: Александра (воспитатель), Нина (бухгалтер), Надежда (фармацевт). Все вещи перевезли на катере. Это произошло в конце мая, а к 1 сентября новый дом из кедра был уже построен и покрашен, и семья смогла заселиться в него. Дом состоял из двух спален, комнаты, кухни. К сожалению, супруг Эллы Петровны умер в 47 лет, когда ей самой было только 43 года.

Сегодня занятия Эллы Петровны весьма разнообразны. Помимо того, что держит хозяйство, она увлекается вышивкой и вязанием скатертей, штор, салфеток, тапочек, носков, рукавиц. Это требует не только сосредоточенности и внимания, но и творческого подхода. Идея еѐ пропитаны светом, теплом и уютом.

Элла Петровна является «связующим звеном» в лютеранской общине, которая собирается по воскресеньям в доме одного из еѐ членов. Сейчас чаще всего службы проходят у Мины Андреевны Магель. Нашей группе студентов даже удалось там побывать. Было

очень интересно напрямую прикоснуться к немецкой культуре, почувствовать её самобытность, услышав немецкую речь и лютеранские молитвы. Прихожане встретили очень радушно и доброжелательно. Специально для нас спели несколько молитвенных песен, например на счастливую дорогу. Все молитвы читались на немецком языке по книгам, напечатанным готическим шрифтом. Эти книги, как правило, были привезены из Поволжья и передавались в семьях по наследству. Сейчас литературу присылают и из Германии. Про лютеранскую общину известно немного. Одним из первых, кто начал ее создавать, был Иван Иванович Юнеман. Все знания о проведении службы, обрядов крещения и венчания передал этот человек. Община существует с 1950-х гг., а с 1970-х начала собираться легально. Некоторые прихожане научились читать и разговаривать по-немецки, лишь придя в общину. Раньше на служение в общине собиралось по 25–27 человек, сейчас людей становится всё меньше. На богослужение постоянно ходят Мина Андреевна Магель, Элла Петровна Иост, Фрида Ивановна Юнеман, Ирина Филипповна Шредер.

Женщины, состоящие в лютеранской общине, поведали нам и о праздниках. Среди них Рождество, Пасха и Троица.

Рождество «Вайнахт» начинают праздновать в ночь с 24 на 25 декабря. Накануне ставят ёлку, украшают её фонариками, цепочками, игрушками. С вечера накрывают на стол, ночью раньше выходили на улицу, пели, славили праздник, стреляли из ружей, рядились, например, в вывернутые шубы. Приходили на веселье и мифические герои – «Крискинди» и «Пельцникель». «Крискинди» называли снегурочкой, она приносила подарки, а «Пельцникель» приходил с прутиком и наказывал непослушных.

На Новый год ходили в гости друг к другу.

На Пасху красили яйца, чаще всего луковой шелухой. Данный обряд символизирует чудо воскрешения жизни. И так как пасхальное яйцо не простое, а особенное, то, по представлениям немцев, его не могли нести куры. Оно должно было попадать в дом необычным способом. Говорили, что пасхальные яйца и подарки на Пасху приносит пасхальный заяц. Накануне Пасхи дети или взрослые мастерили гнёзда для пасхального зайца, куда, согласно легенде, он приносил и клал пасхальные яйца и подарки для детей. Для этого заранее в специальных ящичках, корзиночках высевали и проращивали зёрна пшеницы или овса и клали в зелень яйца, конфеты, иг-

рушки. При этом родители внушали детям: «Будешь хорошо себя вести, заяц принесет тебе хорошие подарки».

За день перед Троицей, «Пфинксте», ходили на кладбище. Проводился и праздник урожая в конце октября. В каждый из перечисленных праздников собирается лютеранская община, проводится праздничное богослужение, а на день рождения поются особые песни в честь прибавления еще одного года.

Практически на каждый праздник пекли «кухе», варили брагу. Национальная выпечка в виде «кухе» любима и по сей день. Замачивают дрожжи, добавляют муку, один литр молока, 3 яйца, сахар, соль, стакан растительного масла, всё перемешивают. Готовое тесто раскатывают, добавляют сметану или варенье, потом делают «ривель» – посыпку из масла с мукой и сахаром и посыпают сверху. Пекут блины с творогом, перемешанным со сметаной. Известен и «шнитцсуп» – сладкий суп из сухофруктов с галушками, «кребли» и «штрудели» из теста на простокваше. В тесто добавляют масло, сахар, соду, затем раскатывают и смазывают сливочным маслом, а на полученный лист кладут морковь, томаты, всё нарезают на дольки и кладут в кастрюлю с плотной крышкой, чтобы она не пропускала воздух. «Внуки очень любят», – с улыбкой говорит Элла Петровна. Обыденными блюдами немцев считаются супы с лапшой, борщи.

Все то, что я узнала от Эллы Петровны, стало для меня откровением. Конечно, в статье невозможно передать всю её жизнь, пропитанную драматическими событиями и надеждой на лучшее. Её волнующие рассказы о трагических годах переселения, увлекательные повествования о немецких обрядах, праздниках, традициях забыть будет невозможно.

Ю.В. Фаллер

**ЧЕЛОВЕК С БОЛЬШОЙ ДОЛЕЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(об Андрее Андреевиче Крамере)**

С Андреем Андреевичем Крамером я познакомилась на севере Томской области во время этнографической экспедиции по Александровскому району. Человек в возрасте встретил на пристани сошедшую на берег команду молодых этнографов из Томска для дальнейшего курирования в период сбора материала. В свои полные 77 лет Андрей Андреевич активно занимается общественной деятельностью, возглавляет «Общество инвалидов», является «гражданином мира» и руководит немецкой национальной культурной автономией в Александровском районе. Жизнь и судьба Андрея Андреевича похожи на судьбы многих депортированных российских немцев.

Родился он в 1937 г. в с. Варенбург Саратовской области. С началом Великой Отечественной войны его отца забрали в армию, но служить ему так и не пришлось – попал по национальному признаку в трудовой лагерь. В 1941 г. по сталинскому указу выселили всех немцев Поволжья. Мать, Анна Генриховна, бабушка, Андрей и годовалая сестра Эльвира были отправлены первым эшелонам в Новосибирск. На перевалочном пункте всех прибывших распределяли на север. Так семья Крамеров оказалась на александровской земле. После окончания войны половину местного населения составляли спецпереселенцы, и почти каждый третий из них был немцем.

Вскоре после прибытия Анну Генриховну, как и других женщин, забрали на лесозаготовки в Волково. Тяжёлый неженский труд подорвал её силы, и она заболела, попала в больницу. Дети оказались на попечении бабушки, которая постоянно хворала. Быт приходилось устраивать в землянке, а с приходом весны в неё просочилась вода. Всё мироустройство переселенцев вращалось вокруг опытного поля. На нём жили одни ссыльные переселенцы – украинцы, эстон-

цы, латыши, литовцы, немцы, русскими были только начальники участков. Поле находилось в конце села, всего таких участков было 12, и принадлежали они селекционной станции пос. Колпашево. На севере пытались выращивать рожь, пшеницу и овёс; поспевало всё, за исключением кукурузы. Категорически запрещалось пользоваться посевами, спецпереселенцы брали урожай только под запись. Сообщество на опытном поле было дружным: людей объединяла совместная борьба за выживание в одной землянке, быт. Жизнь на опытном поле омрачалась допросами комендатуры. Женщины работали с утра и до вечера, а на ночь их забирали для выяснения вопросов о возможной связи мужей с диверсионной работой.

Единая система пространственно-временных координат вобрала разные народы, человеческие судьбы. Но менялась и она: росли дети, и уходило время. В 1953 г. начали возвращаться в свои семьи отцы, появилась надежда на новую жизнь. Отец Андрея Андреевича вернулся под осень, приехал из трудармии инвалидом, поселился вместе с семьёй в землянке, где, кроме его семьи, проживало ещё несколько других. Новые условия казались ему благом, тем более что семья Крамеров завела корову. С возвращением глав семей началось строительство более основательных бревенчатых жилищ. Свой дом в начале 1954 г. стали строить и Крамеры. В нём родились сестры Анна, Мария, Лида и брат Виктор.

В 1956 г. немцев сняли со спецучёта, Андрей Андреевич хотел вернуться домой, в Поволжье, но появились новые ограничения в передвижении переселенцев по стране. Так, вся жизнь Андрея Андреевича оказалась прочно связанной с селом Александровское. Здесь он учился, посвятил себя пожарному делу, спасению от огня государственных объектов района. С женой Раисой познакомился во Владивостоке, во время срочной службы в армии, и уже на протяжении пятидесяти лет супруги живут одной судьбой.

Андрей Андреевич – человек с большим чувством ответственности, с активной жизненной позицией. Его трудовой стаж насчитывает более 54 лет. Он неоднократно избирался депутатом районного Совета, районной Думы. Является председателем немецкой культурной автономии в Александровском районе. Важным делом в его жизни стало районное «Общество инвалидов», которое функционирует с 1988 г. вот уже более 25 лет и бессмен-

ным председателем которого является сам Андрей Андреевич. В 1990-х гг. он организовывал доставку гуманитарной помощи, которая была крайне необходима для малообеспеченных граждан. Свидетельством заслуг стали награды – медали за доблестную службу в органах пожарной службы, «Ветеран труда», юбилейные в честь 50-летия и 65-летия Победы, 400-летия г. Томска, медаль ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, «орден Признания», почётные грамоты.

За время нашей экспедиции Андрей Андреевич затратил много усилий, чтобы организовать поддержку со стороны местного населения: звонил информаторам, договаривался о встречах, предупреждал администрацию соседних поселений о нашем приезде. Участники экспедиции благодарны Андрею Андреевичу за оказанную помощь и за работу по сохранению культуры и традиций российских немцев.

М.Г. Жукова

ГЛАВНОЕ МУЖСКОЕ РЕМЕСЛО (о Гергардте Гергардтовиче Латтегане)

Гергардт Гергардтович родился в селе Александровское Томской области в 1958 г. Его родители, Гергардт Гергардтович и Екатерина Клементьевна, были сосланы в Сибирь в начале Великой Отечественной войны, во время депортации российских немцев. При расселении местом проживания для семьи Латтеган была определена сначала Кемеровская область. Екатерина Клементьевна работала домработницей, а Гергардта Гергардтовича забрали в трудовую армию и отправили в село Раздольное. Позже семья переехала в село Александровское и осела здесь, со временем построили дом и завели своё хозяйство: коровы, куры, поросята, на двух огородах выращивали всё, что выращивают в Нарымском крае. Здесь и прошло детство Гергардта Гергардтовича.

В семье Латтеган исповедовали католичество. Перед едой всегда читали молитвы на немецком языке. На католическое Рождество, Вайнахт, дети лепили овечек из масла. Считалось, что к послушным детям приходит добрая Крискинда и дарит им рождественские подарки, а к непослушным – Пельцникель, злой дух с цепью или плёткой.

Мама Гергардта Гергардтовича, Екатерина Клементьевна, занималась шитьём и вышивкой, а также много готовила, в основном это были немецкие блюда: пирог – «кухе», капуста с галушками – «краут унд клейс», тушёная капуста с кусочками рулета – «штрудель», тушёная со свиными рёбрышками капуста – «краут унд брай». Поскольку блюда с тушёной капустой характерны для немецкой кухни, к ним отнесён и бигус: квашеная капуста тушится со свиной, подаётся с картофельным пюре.

Мужчины в семье Латтеган также участвовали в обработке продуктов. Они делали немецкую ливерную колбасу. Для этого у Гергардта-отца был специальный «шприц» ручной работы, с помощью которого ливерным фаршем начинялись кишки. Этот шприц перешёл по наследству к Гергардту-сыну, который и по сей день использует его для приготовления колбасы. От отца Гергардту Гергардтовичу досталась и большая «шинковка» для засолки капусты, тоже ручной работы. Также мужчины в семье Латтеган занимались ловлей рыбы, часть которой шла на продажу, а другую часть вялили или солили для домашнего употребления.

Вместе с тем главным мужским ремеслом, которым занимался ещё дед Гергардта Гергардтовича, тоже Гергардт, считается столярное дело. Оно передавалось по наследству от отца к сыну. От деда у Гергардта Гергардтовича остались столярные инструменты: поперечная – «поперечка», продольная и лучковая пилы, а от отца – мастерская, которую тот выкупил у предприятия. Вместе с отцом они делали комоды, шифоньеры, а также наличники. Большинство наличников в Александровском изготовлено именно семейными мастерами Латтеган. У Гергардта Гергардтовича сохранилась мебель, сделанная им вместе с отцом: дома стоят шифоньер и тумбочка, а в мастерской – комод. Поначалу Гергардт Гергардтович не горел желанием заниматься семейным ремеслом плотников-столяров и работал капитаном-механиком на реке. Однако семейные традиции взяли верх, и сейчас он – профессиональный плотник-столяр, работает на дому. Он любит своё ремесло и гордится своей династией.

Со своей женой, Маргаритой Николаевной Пономарёвой, Гергардт Гергардтович познакомился в 1980 г., во время службы на Камчатке. Две судьбы объединились в одну, и сейчас дружная семья Латтеган живёт в Александровском. Они ведут своё хозяйство. Хозяйство у семьи большое: корова, бык, телёнок, куры, огород. На участке, с одной его стороны развернут целый ряд хозяйственных построек, прилегающих друг к другу по немецкой традиции: сарай, большая стайка для скота, курятник. Отдельно стоят только баня и гараж. Дом украшен резьбой, служа визитной карточкой хозяина-мастера. Между домом и летней кухней располагается маленький декоративный чудо-прудик, в котором пла-

вают искусственные цветы и утки. Окружают этот прудик зелень и декоративные камни, а сверху над ним нависает декоративный мостик из дерева, сделанный сыном Гергардта Гергардтовича – представителем четвёртого поколения столяров и плотников Латтеганов.

Гергардт Гергардтович и Маргарита Николаевна – очень гостеприимные хозяева. Они с радостью приняли у себя студентов-исследователей, от души угощали их деревенским молоком и домашней сметаной, с удовольствием рассказывали о культуре народа и истории своей семьи и даже приглашали в гости на следующее лето.

О.М. Рындина

ДЛИННЫЙ ПУТЬ ПАРОХОДА «КАРЛ МАРКС»* **(об Анне Филипповне Лебзак)**

Первым пунктом нашего этнографического маршрута стал двор Анны Филипповны Лебзак, и знакомство с немецкой культурой и нарымской страницей в истории народа началось отсюда. Анна Филипповна родилась 26 сентября 1929 г. в Куккусском кантоне Альт-Варенбурга. Отец, Гебель Филипп Михайлович, был ровесником века, появившись на свет в 1900 г. Он слыл рачительным хозяином, умелым организатором, за что и был назначен бригадиром колхозной полеводческой бригады. Колхоз развивал полеводство, животноводство, имел пасеку. Значительную часть времени отец проводил на колхозных работах. Домашнее хозяйство лежало во многом на плечах матери, Амалии Филипповны, родившейся в 1909 г. В семье было 5 детей, имелся собственный сад, в котором росли груша, яблони, вишня, выращивали кукурузу, горох, чечевицу. Даже в тяжёлом 1937 г. держали 1 корову, 1 лошадь, свиней, овец, коз. Козье молоко шло в пищу. На лето мать брала в обработку 1 га колхозных посевов табака, которые полола вместе с детьми. Жила семья в двухквартирном бревенчатом доме на фундаменте, с крышей, покрытой железом. По соседству располагалась семья брата отца – Давида Михайловича. В родном селе Анна училась в немецкой школе, окончила 4 класса и по-русски знала только отдельные слова.

Когда в 1941 г. вышел указ о выселении, отец стоял и плакал: он понимал, что это значит. 26 сентября погрузили семьи на телеги и повезли к Волге. Семья Гебель погрузила на подводу одежду, продукты (окорока, яйца), подушки и одеяла. Разместили всех на барже и отправили в Саратов. Здесь пересадили в «телячьи вагоны» и повезли по железной дороге. В дороге многие умирали. В Новосибирске ушла из жизни мамина бабушка в возрасте 83 лет. Когда семью привезли в Болотное, отец вырыл могилу, на дне

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

которой быстро набралась вода, в ней и похоронили. Это было в январе 1942 г.

Из Болотного многие семьи переправили в Михайловку и разместили в старом недостроенном доме. Мама была беременна, и рожать пришлось дома, без медицинской помощи, рассчитывая лишь на помощь детей. Отца забрали в трудовую армию и отправили на шахты в Щёкинский район Тульской области. Семья лишилась мужских рук.

В августе 1942 г. вновь сняли с места и привезли в Новосибирск, погрузили на пристани на пароход «Карл Маркс» и отправили в Александровское. По прибытии первым делом отправили всех в баню, прожарили их вещи и разместили прибывших в трюмах баржи. В них жили до ноября, а затем расселили по домам местных жителей. Семью Гебель подселили к Аксановым. Хорошая была семья, с пониманием и участием отнеслась к поселенцам. Мать Анна Филипповна и старшая сестра работали в колхозе, а сама она сидела с младшими детьми дома. Питались главным образом картошкой, лакомством считался турнепс, казалось, что слаще его ничего нет. По истечении времени переселение в Александровское Анна Филипповна оценивает положительно: в Новосибирске семья умерла бы с голоду, так как в нищенских колхозах работы никакой не было, приходилось побираться.

Истощённый до предела вернулся из трудовой армии отец. Он был почти при смерти. Его и отпустили-то поэтому: дойдёт – значит так тому и быть, а нет – похоронят. В дороге отец питался милостыней и дошёл вопреки всему. Воссоединившаяся семья переселилась в маленький, но отдельный домик. Подростковую Анну взяли работать на рыбокомбинат, в консервный цех. Начальник цеха Валентин Захарович Воронко с учётом её несовершеннолетия определил испытательный срок. В первый же день Анна напаяла 1 200 банок, заставив относиться к себе уважительно. По достижении совершеннолетия она должна была перейти на работу в колхоз, но начальнику цеха удалось отстоять ответственную работницу. Среди персонала комбината находилось много высланных эстонцев и латышей. Среди них и инженер Розенберг, который разобрался в технологии изготовления консервов по инструкциям на немецком языке, прилагавшимся к вывезенному из Германии оборудованию. На рыбокомбинате в начале 1950-х гг. открыли консервный цех, куда перешла работать и Анна. Свой трудовой путь она завершила в сельском Совете, работая счетоводом-кассиром.

В 1950 г. Анну отправили на отарменный лов, там она познакомилась с будущим мужем – Юрием Георгиевичем Лебзаком. В 1962 г. сыграли свадьбу и зарегистрировались. Замуж немцы выходили примерно лет в 20. К свадьбе Анны Филипповны не собрали никакого приданого – не из чего, «даже подушек мама не могла дать». Жених же был состоятельным: у него имелись и подушки, и полотенца, и скамейки, и даже шкафы. С 1960-х годов, когда в семьях появился некоторый достаток, стали справлять немецкие свадьбы. У жениха на костюме обязательно должен был быть бант с цветком. Наряд невесты предполагал белое платье, фату до полу и непременно венки из восковых цветов. Такие венки изготавливала мама Анны Филипповны, научившись этому у Марии Кайзер. Блюда свадебного застолья включали котлеты, холодец, винегрет, салаты, рыбные пироги и обязательно «кухе». Подготовленное сдобное тесто кладут на противень, поливают его сладким сиропом, посыпают крошкой из растопленного сливочного масла и муки и ставят в печь. Немецким блюдом считается и «крауд унд брайт» – тушёная со свиными рёбрышками капуста, в которую добавляют лук и перец. Подают с картофельным пюре. Из пресного или кислого теста готовят «штрудель»: тесто раскатывают, смазывают маслом, скатывают в рулет и нарезают на кусочки. Их кладут поверх тушащихся с мясом капусты и картошки, когда внизу кастрюли образуется бульон. Всё закрывают крышкой и прикрывают полотенцем.

В 1969 г. муж сам построил срубный дом, в котором и сейчас живёт Анна Филипповна. Дом серьёзно перестраивался. Сейчас он обращён на юг, а раньше – на восток. Прежняя планировка включала в себя встроенное в угол дома крыльцо, ведущее в сени, которые сообщаются с кладовой. Жилое помещение состояло из прихожей, кухни, зала и детской. На кухне, ближе к центру жилища, размещалась кирпичная печь, а в зале стояла круглая железная. Параллельно дому располагается ряд построек. Отдельно стоят две кладовые: для жены, где находится утварь, и мужа, где хранится разнообразный инструмент. Рядом с ними выстроена летняя кухня с печью. К ней примыкают дровяник и стайка с сеновалом на втором ярусе. Стайка разделена перегородками на стойла для двух коров и телят. Через проход выделено место для свиней, над ним устроен насест с настилом для кур.

По основным пешеходным дорожкам, вокруг дома и вдоль хозяйственных построек, уложен деревянный тротуар. Участки перед

домом отведены под ухоженные цветники. Дом и постройки намечают периметр большого огорода. Он стал проблемой для Анны Филипповны: такого количества картошки, что можно вырастить на участке, уже не требуется, а обрабатывать землю надо, ведь сорный огород – стыд для хозяйки.

Семья Лебзак воспитала двоих детей: сын избрал поприще военного и осел в Екатеринбурге, а дочь стала преподавателем математики и живёт в с. Александровское. В семье праздновали и празднуют Рождество с вечера 24 на 25 декабря. Накануне вечером ставят ёлку. Стряпают зайчиков, фигурные пряники, ставят на стол красное вино. К 12 часам ночи все садится за стол, раньше обязательно пели молитвы и песни по-немецки. На Пасху красят яйца. Когда не было фабричных красок, изобрели хитроумный способ для окрашивания: вываривали в воде сетки, предназначенные для переноски покупок, получая красный, жёлтый, оранжевый и другие цвета, и затем полученным отваром окрашивали яйца. Раньше к празднику проращивали зёрна пшеницы и на праздничный стол ставили зелёные ростки. Дети на пасхальную ночь оставляли тарелочки для подарков. Чтобы они верили, что подарки ночью приносит заяц, родители вокруг тарелочек разбрасывали солому и помёт.

Мать Анны Филипповны ходила в лютеранскую общину, где читали и пели молитвы по-немецки. Члены общины отпевали на похоронах усопших. Анна Филипповна бережно хранит в памяти историю своей семьи, не понаслышке знает о немецких традициях и с сожалением отмечает, что их остаётся всё меньше.

О.М. Рындина

«...ВЫ ХОРОШИЕ ЛЮДИ»*
(об Эрне Карловне Лейман)

В Саратовской области располагалось немецкое село Варенбург, с широкими улицами и добротными домами. В одном из таких бревенчатых домов под железной крышей жила большая семья Пфейфер. Во главе её стоял Карл Андреевич, родившийся в 1900 г. Его жена, Мария Кондратьевна, воспитывала 9 детей, включая и приёмную дочь Аню. В 1937 г. семья пополнилась дочерью Эрной. Её отец с раннего детства нагружал работой, щадя Аню, чтобы никто в селе не мог сказать, что в семье обижают сироту. У Эрны и учиться-то толком не было возможности, она закончила всего пять классов, в то время как Анна – десять.

Сада у семьи не было, но личное подворье со скотом имелось. В детской памяти Эрны сохранилась вкусная чёрная ягода, росшая на родительском огороде, из которой делали начинку для вареников. Отец работал трактористом, строил канал Волга – Москва. Однажды трактор загорелся, и отца осудили на 10 лет, однако в связи с досрочным окончанием строительства канала срок отменили.

В 1941 г. всех жителей села вывезли и погрузили в вагоны для скота. Эрна отчётливо запомнила, как за вагоном долго-долго бежала их собачка. Переселенцев привезли в Новосибирск. Семью Пфейфер поселили к женщине, у которой муж воевал на фронте, и она не хотела пускать немцев-постояльцев. Первую ночь всё ворчала, а потом выделила семье отдельную комнату. Когда на Эрну кто-то напустил «порчу», и ночью ей стало очень плохо, хозяйка с помощью заговора отвела болезнь, сказав: «Вы хорошие люди». В Новосибирске жили уже без отца: его забрали в трудовую армию.

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

За первым переселением последовало второе, на сей раз в с Медведево. Там поместили в новый телятник, выделив каждой семье по клетке. Сюда из трудармии вернулся измождённый и больной отец. Его отпустили, чтобы не хоронить. Местный начальник сказал: «Мы должны ему помочь» и принёс большого налима, велел сварить из него кашеобразную массу. Ею и кормили отца. Он пошёл на поправку. Переселенцы вручную пилили брёвна на доски, строили бараки. Мать варила работникам суп из крапивы. Она в Варенбурге работала поваром, отлично стряпала. В новый барак переселили 6 семей, устроили в нём топчаны, окна затянули кожей. Зимой её склевывали птицы, и стало холодно. У матери развился страшный варикоз, она порой могла лишь лежать с туго перебинтованными ногами. Иногда из ранок текла кровь. Чтобы прокормиться, дети нанимались белить стены, получая за это картошку.

Когда переехали в Колтогорск, отцу дали квартиру за хорошую работу. Здесь Эрна пошла в школу, окончила 5 классов, а затем училась в Стрежевом, жила в интернате. В конце недели пешком приходила домой. С 13–14 лет она начала работать на пекарне: мыла полы, сажала и вынимала хлеб, а когда пекарь тётя Дуся ушла в отпуск, стала работать за неё. С 15 лет Эрна начала работать на стрежневых песках в рыболовецкой бригаде. Вместе с младшим братом решила искать лучшей доли на Алтае, но отец позвал домой, и Эрне пришлось вернуться. Было ей тогда 18 лет.

В 1959 г. она вышла замуж за Василия Филипповича Леймана. Он посватался, забрал её и увёз в Александровское. Сначала жили на половине леймановского дома, а затем купили избушку и на её месте в 1964 г. построили дом, в котором Эрна Карловна живёт и ныне. Дом построили сообща муж и ещё двое мужчин. Они все работали в райпо, сами заготавливали лес, сами сплавливали брёвна и сами построили каждому дом. Печи клал отец Эрны Карловны: прямоугольные – из кирпича, а круглые, расположенные в центре дома, ещё и покрывал листами железа. В новом доме семья Лейман обзавелась собственным хозяйством: купили корову. Постепенно подворье разрослось, увеличилось количество скота.

Дом Эрны Карловны ориентирован на юг. Вход предваряет крыльцо, ведущее в сени, по обеим сторонам от которых расположены веранда и кладовая. Жилое помещение разделено перегородками

и печами на четыре комнаты: прихожая-кухня, детская, спальня и зал. В центре находится круглая железная печь для обогрева помещений, выкрашенная в чёрный цвет. Она смотрится очень эффектно. Вторая печь, кирпичная, предназначена для приготовления пищи. В западной стороне от дома Г-образно расположены хозяйственные постройки, поставленные в разное время. Летняя кухня и дровяник перпендикулярны дому, а примыкающие к ним старая и новая стайки параллельны. Новая стайка – двухъярусная, и наверху находится сеновал. Пространство между домом и хозяйственными постройками отведено под огород, на территории которого вырыт погреб, покрытый крышей. Значительная площадь между домом и оградой занята пышно разросшимися деревьями. К улице вплотную примыкает самая поздняя постройка – гараж.

В семье Лейманов росло двое детей: дочь и сын, и Василий Филиппович не хотел, чтобы жена ходила на работу. Сам он возглавлял бригаду грузчиков в райпо. Однако Эрне Карловне не сиделось дома, и летом, когда мужа послали работать на сплав, отправила сына в садик и сама устроилась там пекарем. Поднимая мешки с мукой, надорвалась, перенесла операцию, после которой врачи запретили ей тяжёлую работу. Так из пекарей она превратилась в повара. С этой должности и ушла на пенсию.

Когда началась волна переезда российских немцев в Германию, муж Эрны Карловны тяжело болел, сын отказался ехать, пришлось остаться и ей. После смерти мужа, в 2000 г., она решила выполнить свои намерения. Без труда прошла тесты на знание немецкого языка, так как в семье родителей разговаривала с мамой только по-немецки. Решительно собралась в дорогу и поехала. В Германии, на пересылочном пункте, всю первую ночь проплакала – хотела домой. Тоска по родному дому не проходила со временем. Последней каплей стал сон, в котором её укоряли: бросила, мол, всех, уехала. И Эрна Карловна не выдержала, вернулась обратно. Сейчас в Германию собирается переехать сын Эрны Карловны вместе с нею. Однако сборы затянулись, и Эрна Карловна, находясь в томительном ожидании и неопределённости, уже и сама не знает наверняка, чего ей больше хочется, уехать или остаться.

В Александровском её хорошо знают как хлебосольную хозяйку, прекрасного кулинара. Она основательно приготовилась и к нашему приходу: поставила на стол испечённый торт, печенье-«малышки», знаменитый немецкий пирог-«кухе», пирог с черёмухой и ватрушки. Через день приготовила на всю нашу экспедиционную братию из 10 человек фаршированные блинчики и передала на ужин. Выпечкой Эрны Карловны лакомятся соседи, знакомые, родственники, а с её доброй улыбкой и радушием у нас отныне ассоциируются немцы с Александровское.

А.И. Махнёва

ГЛУБОКИЕ КОРНИ **(о Лидии Валентиновне Матыциной)**

Есть люди, в биографии которых, словно в зеркале, отразились значительные исторические события. Именно к таким людям можно отнести Матыцину (Штейнгауэр) Лидию Валентиновну. Она родилась в 1950 г. в деревне Бейбулатово (современная Калиновка) Чаповского района Новосибирской области. Носит фамилию матери, так как в то время не регистрировали браки между немцами и русскими. Такая же история произошла и с двумя её дядями, которые, женившись на русских девушках, впоследствии «усыновляли» собственных детей.

Родители Лидии Валентиновны познакомились в деревне Бейбулатово и поженились в конце 1949 г. Отец, Чернов Валентин Фёдорович, родился в 1929 г. в Саратовской области. Детство его прошло на Волге, где он сначала работал конюхом, а когда подрос, стал трактористом. В апреле 1950 г. был призван на военную службу в Приморский край, в военный городок Филипповка, находящийся на границе с Китаем. В письме от 9 мая 1953 г. писал родным: «Я буду дома в мае следующего года. Встречайте». Однако встреча не состоялась: Валентин Фёдорович погиб в том же 1953 г. при перестрелке на озере Хасан с людьми в гражданской одежде, пытавшимися пересечь границу.

Мать, Штейнгауэр Ирма Адамовна, родилась в 1932 г., как и муж, в Саратовской области. Работала дояркой. Хорошо пела, любила русские частушки, хоть и исполняла их с большим акцентом.

В Поволжье Лидия Валентиновна много времени проводила с бабушкой и дедушкой. Дед – Штейнгауэр Адам Адамович, бабушка – Амалия Вильгельмовна Штейнгауэр, в девичестве Губер. Оба родились на Волге в 1901 г., в Куккусском кантоне, в колонии Бангердт. В 1920 г. поженились. В семье родилось 11 детей, из оставшихся в живых многие проживают в Германии. Лидия Валентиновна вспоминает, как было хорошо на Волге: огромный сад, где росли

яблони, груши, виноград, и небольшой огород, где выращивали картошку. В семье даже сами делали вино, топтали виноград ногами. В Поволжье дом был деревянным, все постройки на усадьбе: сарай, стайки, баня располагались под одной крышей. Места для ночлега членов большой семьи располагались в три яруса: в доме жили родители дедушки и их сыновья с семьями, и для детей наверху устраивали что-то наподобие полатей. Семья держала огромное количество скота, поэтому оказалась первой в перспективе на раскулачивание. Хозяйство пришлось разделить. Только это помогло спасти семью от выселения как кулаков – комиссия посчитала их середняками.

Родственник, работавший партийным секретарём в Республике Поволжья, посоветовал семье переселиться из Поволжья. В 1938 г. перебрались в менонитское село, «подальше от Энгельса и от властей». Здесь Адам Адамович был разнорабочим, а Амалию Вильгельмовну, как человека грамотного, определили весовщиком, она обмеряла и сено.

Только обжились в этом селе, как 9 сентября 1941 г. обрушился новый удар – весть о депортации в Сибирь. У Лидии Валентиновны остались в памяти рассказы дедушки о событиях этих ужасных дней. Семью Адама Адамовича отправили на эшелоне № 762 в «телячьих вагонах», по дороге умерло много людей из-за невыносимых условий: долгая, около двух недель, поездка, холод из-за сквозняков. Многие переселенцы простывали и всю одежду, какую только можно было, надевали на себя, а в сундуке оставляли лишь документы и выходные костюмы и платья. И вот, наконец, 24 сентября выгрузили в Чане, в Новосибирской области, где семья и проживала до 1957 г. Первое время жили в землянке.

Деда в 1942 г. забрали в трудовую армию, отправили на лесоповал в Молотовскую область (современный Пермский край). Ушёл крепким здоровым мужчиной, а вернулся стариком в лохмотьях. Когда он пришёл домой, его не узнали родные дети, приняли за нищего старика. Но скоро всё разрешилось, и жизнь потекла своим чередом. В 1957 г. семья отправилась в Казахстан, в Джамбульскую область, так как бабушка и дедушка хотели жить в тёплых краях, и оставалась там до 1968 г. Адам Адамович работал сторожем-садовником в колхозном саду, Амалию Вильгельмовну тоже оформили в колхоз, но дед работал за неё, чтобы бабушка оставалась дома по причине болезни. С 1968 по 1977 г. жили в г. Новосибирске, а с 1977 до конца

своей жизни – в Тулинском учхозе «НСХИ» Новосибирского района Новосибирской области.

Лидия Валентиновна окончила Кемеровский государственный университет, обучалась на факультете педагогики и психологии. Затем училась в Омском педагогическом институте по специальности «преподаватель русского языка и литературы». Знает немецкий язык и считает, что в языке сибирских немцев 50 % – это диалект, а 50 % составляет литературный язык. Знание немецкого дало ей возможность учить маленьких детей немецкому языку. В 1980 г., после учебы и жизни в Омске, Лидия Валентиновна переехала в село Александровское, где с 1965 г. обосновалась её мать. Дом, в котором она сейчас проживает, был перестроен в 1982 г. У Лидии Валентиновны трое дочерей: Ирина, Надежда, Олеся.

Лидия Валентиновна увлечённо занимается изучением своей родословной и восстановила её с 1752 г. до современности. Рассказывать о своём семейном древе она может без усталости. Вкратце постараюсь изложить некоторые сюжеты из услышанной истории.

Отцовская линия ведёт отсчёт с прадеда из яицких казаков, который был женат на крещёной татарке. Прабабушка – Гамель Лизабет – чистая немка, она жила в Поволжье. Дед, Чернов Фёдор Андреевич, был только наполовину русским. Бабушка, Лидия Валентиновна постоянно называла её «баба Аня», родилась в 1895 г. и имела польско-литовско-немецкие корни. Деды по линии отца так же, как и бабушка с дедушкой по материнской линии, проживали в Поволжье.

Наиболее яркой личностью среди родственников старшего поколения стала Лизабет Гамель. Она с рождения оказалась сиротой: мать, Элизабет Шребер, умерла при родах, отец женился второй раз, и от второго брака у него появились два сына, которые уехали в Америку. Подростая Лизабет начала работать няней у своего кузена в Саратовской области. Кузен служил в военном ведомстве, имел приятеля Яна Масальского. Приятель был капитаном кавалерии, его мать – немка, а отец – польских и литовских кровей. Лизабет вышла замуж за Яна и приняла католичество, после венчания супруги уехали под Вильно. Отец Яна Масальского был игроком и, промотав всё своё состояние, разорился и умер в 1910 г. Лизабет отправилась в Поволжье, на родину, вместе со своими детьми, но вскоре вернулась в Вильно. Когда началась Первая мировая война, семья бежала вглубь России, в Сибирь, где жили дальние род-

ственники Яна Масальского, оказавшиеся здесь после восстания Тадеуша Костюшки. По дороге в Сибирь Лизабет умерла, умерли её сын и дочь.

Ещё одна дочь, т.е. «баба Аня», вышла замуж за поляка Йозефа до переезда в Сибирь. Её сыновей звали Станислав и Грегор (1909 г. рождения). Семья осела в Чанах, в 7 км от Бейбулатово (Новосибирская область). Вскоре Йозеф умер. «Баба Аня» была грамотной, владела четырьмя языками, хорошо знала русский, занималась шитьем. Грегор, чтобы прокормить семью, ходил по деревням и нанимался в разнорабочие. Так он оказался у Морозова в деревне Бейбулатово. Грянули революции 1917 г., и поляков начали отсылать в независимую Польшу. Морозов помог Грегору изменить в документах фамилию Масальский на Масальцев, чтобы не уезжать. Через некоторое время Грегор стал зятем Морозова, женившись на его дочери Лидии. «Баба Аня» вышла замуж за Чернова, который усыновил Станислава. Когда бабушку и дедушку Лидии Валентиновны по материнской линии сослали в Бейбулатово, Чернов был председателем колхоза.

Ещё в Поволжье бабушке по материнской линии, Амалии, врезалась в память Лизабет, одетая в красивое платье. Она шла вместе с детьми, среди которых была и её дочь – «баба Аня». Прошло много лет, однажды, уже в Сибири, Амалия заболела, и ее брат собирал для неё обрат и молоко. Все давали обрат, и единственной, кто давал молоко, стала «баба Аня». После выздоровления Амалия решила отблагодарить всех, а особенно «бабу Аню», которая очень напоминала ей женщину в красивом платье из Поволжья. Выслушав историю, Анна достала с самого дня сундука фотографию, показала и сказала, что женщина из воспоминаний – её мать Лизабет. Так красавица Лизабет соединила двух бабушек. Про эту встречу долгое время никто ничего не знал, секрет раскрылся Лидии Валентиновне только в 1965 г.

Сбор сведений о родословной стал неотъемлемой частью жизни Лидии Валентиновны. Она делает запросы в архивы, намерена съездить в Энгельс и в Саратов, чтобы самой поработать в архиве. Собранными данными она обменивается со своими родственниками из США, Южной Америки, в частности из Аргентины. Как сказала Лидия Валентиновна, родословная – это её первая «болезнь».

Второй «болезнью» стали цветы. Я лично смогла насладиться той благоухающей красотой, что расположилась возле дома – прекрасным садом-«рощицей», который, кажется, сможет вызвать вос-

хищение и подарить надежду и вдохновение любому, кто взглянет на него. Удивительно, но в таком небольшом и уютном саду произрастает более 30 видов лилий – это, скажем так, «жемчужина цветочной коллекции».

Лидия Валентиновна поделилась и воспоминаниями о том, как семья отмечала праздники. Особенно памятна Пасха. Перед праздником дедушка Адам плёл корзинки, туда засыпали землю и сажали зелень. После того как зелень прорастала, в неё клали яйца, крашенные луковой шелухой, как символ новой жизни и говорили, что их принёс зайчик. На Рождество, Пасху, дни рождения Лидия Валентиновна вместе с бабушкой готовили традиционные блюда немецкой кухни: «кухе», «кребель», «шнитцсуп», молочный кисель. «Шнитцсуп» – это сладкий суп: варится компот из яблок, груш, кураги, делается «ривель» – крошка из муки, сахара, масла, всё это проваривается, добавляется молоко или сливки. «Кребли» делаются двух видов: с творогом и без него. Для теста требуются простокваша и сметана по 150 г., 3 яйца, третья часть ложки соды, соли, 3 ложки сахара. С творогом обычно делают «кребли» на праздник, при этом тесто не должно быть тугим. Раскатав его, следует порезать на ленты, потом на прямоугольники, затем красиво завернуть и жарить на масле.

«Кухе» – одно из самых распространенных блюд немецкой выпечки – готовится таким образом: тесто выкладывается на лист, смазывается яйцом и посыпается крошкой из муки, сахара и масла. По схожему рецепту готовятся фруктовые пироги, булочки. Вся эта выпечка делается из бездрожжевого теста. Кроме того, Лидия Валентиновна помнит, как бабушка стряпала хлеб на самодельных дрожжах, приготовленных из хмеля с отрубями.

Было очень интересно познакомиться с Лидией Валентиновной – человеком, который так увлечённо занимается изучением своего генеалогического древа, так восторженно рассказывает о своих идеях по дальнейшему обустройству дома и облагораживанию сада, человеком, кипящим энергией и щедро делящимся сведениями о немецких традициях.

О.М. Рындина

НЕМЕЦКО-ХАНТЫЙСКАЯ ПЕСНЯ* **(об Эрне Александровне Пырчиной)**

Эрна Александровна Пырчина (Греф) родилась в 1926 г. в городе Маркштадт, что располагался на территории Автономной Республики немцев Поволжья. Родительская семья отца, Александра Давыдовича Греф, состояла из 22 человек: хозяин с хозяйкой, 4 их сына с семьями и дочь. Семья вела личное хозяйство: держали 4–5 лошадей, коров, романовских овец, коз, свиней, около сотни кур. В саду росла вишня, на пашне зрели пшеница, рожь, овёс, на бахче выращивали арбузы, дыни, в огороде – огурцы и помидоры. Жили в большом трёхкомнатном доме, стены в котором белили мелом. Обстановкой комнат служили сундуки, комод, кровати с дощатым настилом, покрытым покупными матрасами и суконными одеялами. Кровать красиво убирали, и садиться на неё днем строго запрещалось. И по сей день Эрна Александровна чтит эту традицию: её высокая кровать застелена покрывалом из атласной ткани с воланом, и наволочки сшиты из такого же материала. Бабушка строго запрещает внучке взбираться на кровать, хотя та постоянно пытается это делать.

Когда семья Александра Давыдовича выделилась из отцовской, ей построили дом из кирпича с деревянной крышей. Дом состоял из кухни, двух комнат: детской и спальни родителей. Отец работал на бойне и делал вкусные колбасы. Мать, Марта Давыдовна, занималась хозяйством и детьми. Она происходила из семьи священника. Подросшие сёстры работали швеями. По субботам устраивали коллективную стирку и стирку. В 1941 г. созрел хороший урожай, и сестру Эрны мобилизовали на хлебоуборку.

В Маркштадте стояла церковь, где венчали родителей и крестили маленькую Эрну. На свадьбе играл духовой оркестр, на праздничный стол стряпали кухне. Маркштадская церковь изображена на

---

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

бережно хранимой Эрной Александровной фотографии. Родители были православными. Дома всегда молились по-немецки утром и вечером, даже когда запрещали. Дедушка Эрны крестил на дому. Его и трёх его братьев арестовали и расстреляли. Свою внучку Эрна Александровна тоже сама крестила дома.

В Маркштадте Эрна окончила 7 классов. Предметы преподавали на немецком и русском языках. В школе стояла скульптура императрицы Екатерины II, а учащиеся часто пели её любимую песню «Ich weiss nicht, was es bedeutet».

В начале Великой Отечественной войны брат Вальтер погиб на фронте. Последнее письмо от него пришло 12 сентября, и в этот же день семью по указу увезли из родного Поволжья. С собой успели взять прежде всего продукты – хлеб и сухари. Русская жена брата добровольно поехала со всеми в Сибирь. Полмесяца семью везли в «телячьём» вагоне, где размещалось более 80 человек. Дважды в день кормили всех горячей пищей. Привезли в Новосибирскую область, выгрузили в Болотном и отправили на работу в колхоз. Отец устроился на работу в Болотном, но его вскоре забрали в трудармию. Мама была инвалидом и не могла работать, семье пришлось совсем плохо. Последние из привезённых с собой вещей променяли на картошку, посадили её в надежде собрать осенью урожай и не голодать. Картошка уже взошла, как семью вновь сорвали с места и в 1942 г. перевезли в Нарымский край, в с. Новоникольское. Здесь немцы-переселенцы месяц находились под открытым небом на берегу под дождём. Потом часть из них, включая и семью Эрны Александровны, забрал с собой председатель колхоза из юрт Зимнекиевских. Поселил в конторе без печки, поэтому почти все простыли. Вскоре по трагической случайности убили дочь погибшего брата Вальтера. Новоникольская земля стала последним приютом почти для всей семьи Эрны Александровны: 10 могил родственников хранит она до сих пор.

Эрна Александровна рыбачила в колхозе, обморозила ноги. Немцев не щадили: зимой женщины шли по снегу и торили дорогу лошадям. «Правда, – добавила Эрна Александровна, – тогда не щадили никого». Ещё 15 лет она отработала на лесозаготовке. В 1950 г. вышла замуж за ханта – Пырчина Захара Давыдовича. Он родился в Кривоуцком, служил 4 года в авиации. Когда погибли родители, переехал в дер. Кулымск. Жители деревни часто приходили в Зимнекиевские. Здесь и познакомились хантыйский парень и немецкая

девушка. На свадьбу наварили бражку, приехали дед и бабушка жениха. Захар Давыдович был личностью неординарной, «командиром по хантам» назвала его жена. Ему посвящён уголок экспозиции в Музее истории и культуры с. Александровское. Захар Давыдович работал на лисоферме, а в 1960 г. его перевели в с. Староакасомск. За мужем в хантыйскую деревню переехала и Эрна Александровна. Здесь она работала в магазине, обслуживая жителей практически круглосуточно. Неугомимый Захар Давыдович создал вокальный ансамбль, пели русские, немецкие и хантыйские песни, давали выездные концерты. Ансамбль даже приглашали выступить в Москве. Активной участницей самодеятельности стала и Эрна Александровна. Однако творческие порывы разбились о быт. Деревню каждую весну сильно затапливало, и приходилось каждый раз заново обмазывать дом. Через 5 лет совместной жизни Эрна Александровна уехала в с. Александровское, вскоре за нею должен был последовать и муж, но вышло всё иначе. Семья распалась.

В Александровском Эрна Александровна в 1969 г. вышла замуж за Петра Трофимовича Гусева, но оставила прежнюю фамилию, не желая менять документы. Дочь её от первого брака, Валерия Захаровна Пырчина, пишется хантыйкой. Она живёт в Александровском, работала медсестрой в районной больнице, и её хорошо знают односельчане.

В Александровском существовала «немецкая» церковь, т.е. лютеранская община, насчитывавшая около 30 прихожан. Собирались на дому. А сейчас много немцев уехало в Германию, и в общине осталось немного верующих.

Верность народным традициям отчётливее всего проступает на праздники. В истории немцев Нарымского края бывали времена, когда на праздники ели гнилую картошку, но всё же старались их соблюдать. Так, перед Рождеством обязательно прибирали в доме, ставили ёлку и вспоминали рождественский раKITник на Волге. Стряпали пирог – «кухе», тушили капусту с кусочками нарезанного рулета из теста, смазанного маслом, которые укладывали поверх капусты и плотно закрывали крышкой. В 10 часов вечера открывали двери, по-немецки читали молитвы, пели молитвенные песни, затем садились за стол. Дети находили под ёлкой подарки.

На Пасху дома тщательно убирали. Накануне вечером дети ставили тарелочки и утром находили в них конфеты, крашеные яйца. На Троицу ходили с цветами на кладбище, поминали усопших.

Погребальная обрядность требовала стелить доски выше гроба и лишь затем засыпать могильную яму землёй. На следующий день после похорон шли на кладбище, трижды обходили вокруг могилы, поминали. Затем лишь ходили на кладбище «проведывать» усопших, но дома поминок не устраивали.

Нормы немецкого этикета требовали держать детей в строгости. В семье Эрны этим особенно отличался отец. Он изготовил палочку с двумя прикреплёнными к ней ремешками как орудие наказания для непослушных. По вечерам в Марксштадте родители ходили в гости, чаще к своим родителям, или принимали гостей у себя, гуляли по улицам. За соблюдением порядка в отсутствие родителей следили старшие дети.

Дом, в котором живёт Эрна Александровна со вторым мужем, они купили у охотпромхоза. Подворья нет, но огород внушительных размеров присутствует. В комнате бросается в глаза прежде всего роскошно убранная кровать. Меблировку составляют трюмо, купленное у русских, стол, кресло с диваном и комод. У него особая история. Эрна Александровна всегда мечтала иметь комод, и деверь, т.е. брат мужа, Захара Давыдовича, смастерил его для свойственницы. Так благодаря умелым рукам ханта сбылась мечта немецкой девушки.

Самыми главными наградами для Эрны Александровны, итожками пройденный ею жизненный путь, стали медали «Труженик тыла», «Ветеран труда», три к юбилею Победы в Великой Отечественной войне и грамоты за добросовестный труд. У многоликой Победы есть и немецкое лицо.

Е. С. Заковряшина

НА БЛАГО ЗДОРОВЬЯ ЛЮДЕЙ **(об Эмме Яковлевне Роо)**

К концу нашего этнографического исследования мы набрались достаточно опыта, чтобы самостоятельно проводить опросы. Мы разбились на пары и отправились по указанным адресам. Первой, к кому мы с однокурсницей пошли в качестве самостоятельных исследователей, была Эмма Яковлевна Роо. Шли мы к ней со смешанными чувствами – с гордостью за доверенную нам миссию и со страхом, что не всё пройдет гладко без руководителя. Наконец мы подошли к нужному месту и увидели аккуратный домик за невысоким забором. Дом стоял справа от калитки, а слева располагались надворные постройки – баня, теплица, дровяник. Между ними находился огород. Такая планировка не типична для традиционного немецкого подворья в Поволжье, но мы уже заметили, что далеко не все российские немцы придерживаются в Александровском старых традиций.

Эмма Яковлевна встретила нас приветливо, показала свои владения и терпеливо ответила на наши вопросы. Она родилась в 1932 г. в селе Сосновка Красноармейского района Саратовской области в большой семье Зиннер. В ней подрастало 8 детей. Жили в собственном деревянном доме, но особого хозяйства не держали – одна корова, не было даже огорода. В Поволжье Эмма Яковлевна закончила лишь первый класс в школе.

Во время депортации поволжских немцев в 1941 г. Эмме Яковлевне шёл всего девятый год. Семью Зиннер отправили в Новосибирскую область, в Колыванский район. Однако долго там не задержались. Впоследствии семье пришлось много «кочевать» – где они только ни жили: и в Лукашкине, и в Мегипульском, и в Старокашинске, и в Криволуцком, прежде чем окончательно осели в Назино. На продолжительное время задерживались только в Старокашинске и в Никольском, где прожили соответственно 9 и 16 лет. В Никольском построили своими силами дом, трудились и дети, и родители.

У родителей особой специальности не было: отец возил грузы на лошадях, мать в первое время вообще не работала. Позже оба трудились в колхозе. В то трудное время было вообще не до образования, нужно было просто выживать. Из детей никто не закончил школу. У самой Эммы Яковлевны за плечами всего три класса.

За свою жизнь она много работала в разных местах и на разных должностях. Её трудовой стаж начался в колхозе, потом она работала помощником в пекарне, затем помогала ухаживать за скотиной и, наконец, 12 лет проработала санитаркой – 6 лет в Никольском и 6 лет в Назино. Эмму Яковлевну как труженика тыла ежегодно поздравляют в День Победы – 9 Мая. Она награждена двумя грамотами, в 1972 г. и 2013 г., за многолетний и добросовестный труд на благо здоровья людей.

Замуж Эмма Яковлевна вышла в 1962 г. за Александра Петровича Роо (1938 г. рождения). Он трудился на рыбзаводе. Свадьбу сыграли скромно, так как возможности обильно угостить собравшихся не было, и на столе стояли лишь картошка и котлеты. Брак зарегистрировали в ЗАГСе. Но семью постигло несчастье: муж трагически погиб. Эмма Яковлевна осталась одна с тремя дочерьми. Но, несмотря ни на что, она смогла одна воспитать их, поставить на ноги. Сейчас дочь Нина живёт в Барнауле, Людмила – в Нижневартовске, а Катерина осталась в Александровском, рядом с матерью. Каждая дочь воспитывает уже по два собственных ребёнка. Эмма Яковлевна уже стала прабабушкой: у неё есть два правнука 12 и 4 лет. Дети и внуки приезжают помогать ей по хозяйству.

Эмма Яковлевна не привыкла сидеть без дела, и сейчас, находясь на пенсии, она находит применение своей творческой энергии в занятии рукоделием. И в этом деле она – большая мастерица. Мы долго и с удовольствием разглядывали связанные ею разнообразные салфетки, половики. Сейчас такие изделия редко где можно встретить, а у Эммы Яковлевны они украшают дом яркими красками, причудливыми формами. Если человек привык трудиться – он не останется без дела.

О.М. Рындина

«ОСТАВАЙСЯ ХОЗЯИНОМ!»*
(об Альберте Генриховиче Симоне)

Альберт Генрихович Симон родился в 1927 г. в деревне Антвернбург Саратовской области. Его мать, Луиза Андреевна, в девичестве Швенгель, родилась там же. Об отце сохранились слабые воспоминания. Он работал в колхозе и в голодном 1933 г. принёс домой немного зерна, чтобы хоть как-то поддержать детей. Об этом стало известно властям, отца арестовали, посадили, и больше семья его не видела. Альберту тогда шёл шестой год. Всего в семье росло 6 детей. В память врезались последние слова отца: «Оставайся хозяином!». Так на его и материнские плечи легло домашнее хозяйство: 3 коровы, 3 коня и фруктовый сад с яблонями, грушами, вишнями.

После начала Великой Отечественной войны объявили о выселении немцев с Поволжья. Весь скот согнали в церковь, кур – под телеги. Людей посадили на телеги и везли километров 5 до Волги, до Саратова. Там пересадили в «телячьи» вагоны и больше месяца везли по железной дороге до Новосибирска. Основной пищей служили сухари, взятые в дорогу, правда, один раз в день переселенцев кормили горячим. Выгрузили на станции Болотное, куда приехали на телегах женщины и девушки. Они повезли прибывших в деревню Степаниха, где был колхоз. Семью Симон подселили к «старикам». Они оказались хорошими людьми: старались чем-нибудь угостить постояльцев, подкормить их. Альберт готов был остаться у них навсегда, тем более что с хозяйским сыном Мишкой, своим ровесником, постоянно играли вместе в свободное время. Его, правда, было немного: приходилось работать в колхозе на разных работах, а зи-

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

мой сапожничать, подшивать валенки, чтобы получить хоть какой-то дополнительный заработок. Расплачивались с ним хлебом, мукой. Весной Альберта отправили на конюшню, и он так полюбил лошадей, что 45 последующих лет проработал конюхом.

Затем вновь сорвали с уже насиженного места, на телегах повезли к Оби. Здесь посадили на пароход, на котором довели до деревни Мегипугольское, что в 9 км выше по Оби от села Лукашкино. Там был колхоз. Высадили на берег в августе. Сутки все провели под навесом. Вокруг недружелюбно возвышалась первозданная тайга. Мать, обнимая детей, плакала от бессилия и немощи, а Альберт не мог поддаваться чувствам: на нём лежала ответственность за жизнь членов семьи. Он собирал шишки, ими и кормил родных. На следующий день пришёл катер с большой лодкой. Приплывший мужчина выкрикивал фамилии тех семей, которые должен был забрать с собой. Среди прочих он назвал и фамилию Симон. На сей раз увезли в Малое Вачпугольское, где жили ханты. Когда выгрузили на берег, Альберт испугался: здесь стояли женщины с распущенными волосами и курили трубки. Сначала семью поселили у хантов в срубном доме. Позднее Альберт построил из дёрна свой. Лопатой нарезал дёрн на прямоугольные куски, срезал траву, перевернул каждый кусок, подравнял землю. Затем вкопал 4 столба по углам будущего дома, посередине поставил 3 опоры под балки. Между столбами из пластин дёрна выложил стены, обмазал их глиной, смешанной с навозом, а внутри – ещё и илом. Пол укрепил илом с навозом. Внутри соорудил нары.

В Вачпугольском переселенцам выдавали паёк: 200 граммов хлеба на день, сахар, крупу и другие продукты. Пайка не хватало, поэтому варили крапиву, конский щавель, сырой ели чёрную смородину, а зелёную ягоду сушили, парили, парили и шиповник. Серьёзным пищевым подспорьем служила черёмуха: её собирали, сушили, толкли в ступе и из полученной массы пекли лепёшки. Сажали картошку. Ханты называли переселенцев «русь – землю едят» за то, что они выращивали и ели картошку. Позднее и сами ханты почувствовали вкус к ней и тоже стали сами сажать и употреблять в пищу. Первое время Альберт не умел ловить рыбу, но через год научился: ставил в озеро найденный в лесу фитиль и доставал из него карасей. Много пришлось пережить, несладко пришлось, но никто не умер с голоду.

В Вачпугольском Альберт прожил 17 лет, работая на конюшне, летом пас коров, лошадей. Хотя колхоз был рыболовецкий, но в нём держали 18 коров. Из трудармии в Вачпугольское привозили мужчин, в том числе и из шахт под Челябинском. Среди привезённых оказался и агроном Язев, родом из Московской области, который многому научил Альберта.

В 1952 г. Альберт Генрихович женился на Эрне Ивановне Ильберг. В этом году его отправили на лесозаготовку в Чкалово. Там молодые люди и познакомились. Альберт купил кедровых орех и угостил девушку. Поцеловали, поговорили, разошлись – и снова встретились. Через некоторое время Альберт предложил пожениться. Эрна съездила к родителям в артель имени «18-го партсъезда», чтобы получить благословение. После её возвращения в барачном углу им отгородили шторами угол. Так возникла новая семья. В рыболовецкий колхоз вернулись уже вдвоём. Председатель обрадовался: появились новые руки. Альберта отправили пахать поля в Тополёвку, а Эрна работала поваром у рыбаков на стрежневых песках. Пришёл катер – и она уехала к родителям. Там у неё родилась дочь, которая в настоящее время живет в Новосибирске. Через некоторое время Эрна написала письмо, что хочет вернуться. Альберт поехал и привёз её в колхоз.

В 1958 г. семья Симон переехала на жительство в Тополёвку. Здесь похоронили мать Альберта Генриховича в возрасте 93 лет. Примерно в 1968 г. купили у немца дом из сосны. В нём имелись прихожая, зал и спальня. Семья к тому времени уже насчитывала четверых детей. Быт помаленьку обустроился, жизнь начала налаживаться. Обзавелись хозяйством: держали корову, свиней, кур, выращивали на огороде картофель, на грядках, без теплиц, помидоры, огурцы, а также капусту, горох и фасоль. Одно тревожило: школа в деревне четырёхлетняя, а последняя дочь не хотела жить в интернате, в Лукашкино. Во время учебного года Альберт Генрихович каждую неделю ездил туда на лошадях за деревенскими ребятами и привозил на выходные домой. В морозы надевал шубу из собачьих шкур, а вторую стелил на дровни. Эти шубы сшили ему остяки, т.е. ханты. На одну Альберта Генриховича сам вырастил 8 собак, а ещё 11 купил на вторую. Эти шубы целы до сих пор, одна весит на сеновале, а вторую забрал сын. Младшая дочь училась хо-

рошо, и мать посоветовала ей уговорить отца переехать в Александровское. Замысел удался, Альберт Генрихович написал заявление о переводе, которое начальство подписало.

В Александровском дали квартиру, но в 1969 г. случилось большое наводнение, и дом затопило по окна. Альберт Генрихович отвёл свой скот на колхозную конюшню, семью разместил в хомутной. За 3 тысячи рублей купил у русских избушку, обшил её, сам соорудил хозяйственные постройки на дворе. С восточной стороны рядом с домом расположены летняя кухня и сарай-«чулан», возле которого приютилась летняя печь. Перпендикулярно к дому находится ряд сплошных хозяйственных построек. К улице примыкает дровяник, за ним идут сарай, перед которым в просторной конуре хозяйничает лохматый пёс-красавец, конюшня, срубная стайка и высокий двухъярусный сеновал с пристроенным к нему курятником. На стайке хранятся дровни, упряжи, меховая одежда, в том числе дохи из собачьих шкур, напоминая хозяину о времени, когда ездил на лошадях. Между хозяйственными строениями и домом раскинулся огород внушительного размера с чисто прополотыми грядками и окученной картошкой.

Жена Альберта Генриховича, Эрна Ивановна, любила вышивать, её изделия украшали интерьер комнат. Выполненная ею на шторках вышивка «ришелье» до сих пор украшает окна летней кухни. Жена, умерла в 2007 г. в возрасте 55 лет. Сейчас Альберт Генрихович живёт вместе с дочерью.

В Александровском немцы делали мебель, ящики, оконные рамы. Шкафы, изготовленные немецкими мастерами, стоят в некоторых семьях и сейчас. Обязательной принадлежностью любого дома до сих пор являются сундуки внушительных размеров. Их немцы умели делать с автоматическим внутренним замком. Однажды он стал причиной гибели ребёнка, который залез в сундук, а крышка захлопнулась, и сработал замок. Мать была на работе, а когда вернулась вечером домой, то нашла задохнувшегося в сундуке ребёнка. С тех пор автоматические замки практически перестали делать.

Раньше, вспоминает Альберт Генрихович, обязательно отмечали Рождество, Новый год и Пасху. На Рождество ставили ёлку, всей семьёй молились по старым немецким книгам, дарили детям подарки, поздравляли родственников. На Пасху дети ждали, что придёт заяц и

принесёт подарки. Для них вечером выставляли тарелочки, а утром обнаруживали в них пророщенные зёрна овса с красивой зеленью, крашенные в жёлтый, красный, зелёный цвета яйца, сладости и... следы зайца на песке. В дни рождения было принято дарить подарки: рубашки, штанишки, сладости, но стол, как сейчас, не накрывали.

В настоящее время Альберт Генрихович, как и прежде, стоит во главе разросшейся семьи Симон, и семья эта многопоколенная и многонациональная: снохи – русские, а зять – «хохол», поэтому свадьбы им справляли «по-русски». Альберт Генрихович ходил свататься к родителям невесты, через несколько дней играли свадьбу. Стряпать нанимали русскую женщину: русские стряпают не хуже немцев. Свадебный стол накрывали в столовой. Регистрировались в ЗАГСе. Универсальный свадебный сценарий, растворивший всё своеобразие национальных традиций, и не только немецких.

И.А. Александрина

**«ПОД КОЛПАКОМ У ОРГАНОВ»
(о Герардте Иосифовиче Эберсе)**

Немцы-колонисты, приехавшие осваивать Поволжье по приглашению Екатерины II, в 1764 г. основали село Гаттунг. Среди добровольных переселенцев с родных земель был и Яков Эберс, от которого и ведут отсчёт своей родословной современные одноименные семьи, проживающие в Александровском. В этой родословной присутствуют и французские корни, так как в Поволжье проживали и французы. Луиза Монти, став женой одного из Эберсов, привнесла новый этнический компонент в историю семьи.

В Гаттунге родился Иосиф Эберс, и кроме него в родительской семье росли брат Иван и сёстры Анна и Екатерина. Ещё двое детей умерли в детстве. Взяв в жёны Фриду Фридриховну Клодт, Иосиф Семёнович создал собственную семью. Для неё Рождество в 1925 г. стало двойным праздником – 25 декабря появился на свет сын Герардт. О жизни в Поволжье Герардт Иосифович вспоминает как о стабильной и довольно обеспеченной: дела в хозяйствах шли хорошо, регион являлся крупной житницей страны, уступая лишь Кубани.

Когда началась Великая Отечественная война, семью выслали в Сибирь, привезли в Новосибирскую область, а затем пути членов семьи разошлись: семейные связи никто из представителей власти не хотел учитывать. Деда и отца забрали в трудовую армию, но отцу повезло, он оказался в колхозе под Томском. Здесь начал осваивать плотницкое и столярное мастерство под руководством фронтовика, потерявшего на войне руку. Первыми его изделиями стали плечики для одежды. Со временем росло мастерство, расширялся ассортимент, но изделия отца на продажу не шли, он изготавливал их по просьбе родственников и соседей.

Мать с сыновьями оказалась в Александровском. Первую зиму едва пережили в землянке, куда их подсадили к большой семье Афа-

насия Ланга. Стены у землянки были обмазаны глиной, смешанной с навозом, внутреннее пространство разделено тряпками. Чтобы не умереть с голоду, мать первое время посылала детей просить милостыню. Герардт делал из рогов гребешки, ходил в соседние деревни и выменивал на картошку. Затем пошёл работать на рыбокомбинат.

Отец добивался воссоединения семьи, стремился перевезти её в Томск, но лишь в 1944 или 1945 г. получил разрешение на переезд в Александровское. Здесь устроился столяром на промкомбинат, где во время войны изготавливали тарные бочки, ящики под рыбу, лыжи для воинов Красной Армии, кое-какую утварь. Посылали отца и на лесозаготовки, что помогло построить в 1955 г. отдельный дом для семьи: насыпной, но обшитый досками, под двускатной крышей. Пока строили дом, Герардт присматривал за братьями. Переселившись в новый дом, постепенно обзавелись хозяйством, купили у Марьясовых корову.

В 1956 г. Герардт пошёл в первый класс. Его отец, Иосиф Семёнович, окончил 4 класса в Поволжье, ему очень хотелось учиться дальше, но родители сказали, что он должен работать, помогать семье. Мечту об окончании школы воплотил его сын. Отслужив в армии, Герардт вернулся в Александровское. Поступил на работу в промкомбинат, где стал учеником у своего отца-столяра, перенимая секреты его мастерства.

В Александровском Герардт встретил свою вторую половину, поженились и пошли по жизни вместе. По немецкому обычаю невесту усаживали на стул посреди комнаты, гости водили вокруг неё хоровод, пели свадебные песни. Кульминацией обряда считалось снятие с головы невесты венка, что символизировало окончание её девичества и приобретение статуса замужней женщины. В 1975 г. Герардт Иосифович вместе с отцом построил новый дом, куда и переселился со своей семьёй. Рядом, как и положено, появился большой огород с главной культурой – картошкой и грядками под овощи, а также хозяйственные постройки. Управлялись со всем этим родители вместе с детьми, сыном и дочерью.

На короткое время, с 1959 по 1961 г., родители Герардта Иосифовича уезжали в Казахстан, где жили родственники матери, чтобы воссоединиться с ними. Однако вскоре вернулись, и теперь уже окончательно обосновались в Александровском.

Сегодня три брата Герардта Иосифовича живут в Германии. Один из них – Виктор – взял на себя инициативу по составлению родословного древа, именуемого «Под колпаком у органов», и воссоздал его до первого поколения Эберсов, прибывших в Поволжье. Он работал в крупных библиотеках Германии. Мнения родителей по поводу переезда в Германию разделились: мать была настроена положительно, а отец, ссылаясь на возраст и здоровье, отрицательно. Всё же победило мнение о переезде, который должен был состояться весной 1992 г. Уже были оформлены все документы, но осенью предыдущего года умерла мать, и вопрос решился сам собой. Герардт Иосифович не сменил место жительства, остался верен Александровскому. В историю села прочно вписана страница о мастерах по столярному и плотницкому делу – отцу, Иосифу Семёновичу, и сыну, Герардту Иосифовичу, Эберсам.

О.М. Рындина

БИБЛЕЙСКОЕ ИМЯ И МАСТЕРСТВО* **(об Иосифе Ивановиче Эберсе)**

Иосиф Иванович Эберс принадлежит к тому поколению российских немцев, которое своей родиной считает Сибирь. Он родился в селе Александровское в 1950 г., но хорошо помнит, что родиной его предков было Поволжье: отец, Эберс Иван Семёнович, родился там в 1917 г., а мать, урождённая Вайсбекер Агата Ивановна, – в 1921 г. В 1942 г. родителей вывезли из Поволжья и поселили сначала под Новосибирском, а затем ещё дальше – в с. Александровское. Отец вместе с Павлом Беккером вырыли землянку на две семьи, позже каждая семья переселилась в отдельный дом. Его построили сами из опилок. По углам вкопали столбы, между ними с двух сторон прибили доски, а между досок насыпали опилки. Дети в семье росли быстро, их было 8 человек: 3 сына – Иван, Иосиф и Виктор – и 4 дочери – Екатерина, Анна, Ида, Эмма, Лена. Вскоре потребовалась пристройка к дому. С целью экономии места в спальнях соорудили двухъярусные кровати с поддоном, куда на день убирали постельное бельё. Подушки набивали перьями, а матрацы – сеном, которое меняли каждую неделю. Кровати мастерил отец. Он был прекрасным мастером по дереву: работал плотником на рыбокомбинате, столярничал. Вела семья и домашнее хозяйство: держали корову, 1–2 поросят, кур, на огороде выращивали картошку, на грядках – всё необходимое. Примерно в 1993 г. на месте опилочного дома поставили дом из бруса. В нём впоследствии остались жить младший брат с сестрой и матерью.

В 1950-е гг. Иван Семёнович делал мебель на заказ для односельчан: комоды, шифоньеры, шкафы, этажерки под книги, в том числе и молитвенные, рамки для картин и икон. Сыновья помогали ему – обстругивали днём доски, а вечером приходил с работы отец и

---

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект «Этническая и книжная традиция в культурном наследии Западной Сибири», № 14-01-00263.

мастерил мебель. Декоративные детали обтачивал на токарном станке на работе. Инструмент отца, аккуратно разложенный по полочкам, хранится у сына и по сей день в кладовой. Память о мастерстве Эберса хранят и жители Александровского, у некоторых из них ещё стоит мебель, изготовленная его руками.

Мать, Агата Ивановна, тоже была хорошо известна в селе своим мастерством. Она умела делать красивые венки из «восковых» цветов – главный элемент свадебного наряда немецкой невесты. Обряд венчания проводил священник, он останавливался у Анны Бонц или Павла Беккера и венчал у них на дому молодых. Родители Иосифа Ивановича были католиками. По воскресеньям они собирались на дому и молились.

В 1970-е гг. Иосиф Иванович построил отдельный дом для своей семьи. Срубное жилище возвели из кедра. Лес купил, а строил вместе с отцом. Помогали все родственники: дяди, тётки. Раньше принято было собираться всем вместе и строить дома. Новый дом получился добротным, просторным, состоящим из 5 комнат. Вокруг него вскоре расположились хозяйственные постройки: стайка, сеновал, летний птичник, гараж. Со временем добавились новый гараж, баня и дровяник. Летней кухни на подворье нет. Иосиф Иванович утверждает, что не было её и у родителей: на веранде стояла кирпичная печь, на которой и готовили в тёплое время года. Возле входа в дом, во дворе, расположен роскошный цветник – плод трудов жены, Ольги Карловны, в девичестве Биттнер. Её отец живёт в соседнем доме. Во внушительных размерах цветнике благоухают и радуют глаз разнообразные цветы, включая и розы.

Главным праздником в семье считалось Рождество. Накануне ставили ёлку. Ребятишки возле неё рассказывали стишки и пели песни обязательно по-немецки. Наряжали Крискинди в белое платье, ее лицо закрывали фатой. Она дарила подарки за рассказанные стихотворения. За рождественским ужином собирались родственники, дарили друг другу подарки.

На Новый год рано утром палили из самодельных «ружей». Их делали из деревяшки, к которой крепили медную трубку с дырочкой сбоку; трубку набивали головками от спичек и смесь поджигали. Раздавался выстрел. Молодёжь «славилась»: вставала рано утром, ходила по домам, поздравляла хозяев. В ответ хозяева давали выпечку, конфеты, деньги. После обеда собирались взрослые.

На Пасху красили яйца. Дети утром на сеновале искали конфеты, веря, что их приносит на праздник заяц. Мать делала из сливочного масла овечку: спицей рисовала кудряшки, в рот втыкала веточку от вьющегося домашнего цветка и ставила на тарелку.

На праздники в семье всегда готовили особые блюда. На всю жизнь Иосиф Иванович запомнил вафельницу, которую родители привезли с собой из Поволжья и на которой мать по выходным пекла удивительно вкусные вафли. Часто она пекла и «кухе», «кребль», а также круглое печенье, вырезая его стаканом.

Брат Иван переехал с семьёй в Германию на постоянное жительство, но приезжает в родные края. Во время нашей беседы с Иосифом Ивановичем он как раз и гостил с семьёй у брата в Александровском. Иосиф Иванович тоже собирался переехать в Германию, но остался – корешки удержали. У него трое детей: Лена, Иван и Анна, они считают себя немцами, но у сына русская жена, а зять – белорус. Сохранились в семье и католические традиции: бабушка всегда брала на молитвы внуков и крестила их по католическому обряду. К католической вере принадлежит и сам Иосиф Иванович, оправдывая библейское имя своим плотницким и столярным мастерством, полученным по наследству от отца.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Рындина О.М.</i> Потенциал этнографической практики в процессе изучения российских немцев	6
<i>Рындина О.М.</i> Раскулачили заодно (о Карле Генриховиче Биттнере)	11
<i>Заковряшина Е.С.</i> В Назино прожили всю жизнь (о Лилии Карловне Шиш- ковой)	14
<i>Рындина О.М.</i> Дружба, начавшаяся в Поволжье (о Мине Андреевне Штумпф).....	17
<i>Рындина О.М.</i> Веру пронёс сквозь всю жизнь (об Иване Ивановиче Юнемане).....	20
<i>Чарышова М.Ю.</i> Кровь – не вода (о Кларе Валентиновне Вайгант и Алек- сандре Валентиновиче Бахмане).....	24
<i>Ефремова В.С.</i> «Раньше было лучше» (о Владимире Александровиче Вер- нере).....	28
<i>Жукова М.Г.</i> Время было тяжёлое (об Ирине Филипповне Геллерт).....	31
<i>Кретова С.А.</i> Чувство, проверенное жизнью (об Эмилии Фёдоровне и Александре Александровиче Горст).....	34
<i>Чарышова М.Ю.</i> Неунывающая женщина (об Анне Фёдоровне Дортман).....	39
<i>Махнёва А.И.</i> Перипетии судьбы (об Элле Петровне Иост).....	42
<i>Фаллер Ю.В.</i> Человек с БОЛЬШОЙ долей ответственности (об Андрее Ан- дреевиче Крамере).....	46
<i>Жукова М.Г.</i> Главное мужское ремесло (о Герардте Герардтовиче Латтегане)	49
<i>Рындина О.М.</i> Длинный путь парохода «Карл Маркс» (об Анне Филиппов- не Лебзак)	52
<i>Рындина О.М.</i> «...Вы хорошие люди» (об Эрне Карловне Лейман).....	56
<i>Махнёва А.И.</i> Глубокие корни (о Лидии Валентиновне Матышиной)	60
<i>Рындина О.М.</i> Немецко-хантыйская песня (об Эрне Александровне Пырчи- ной).....	65
<i>Заковряшина Е.С.</i> На благо здоровья людей (об Эмме Яковлевне Роо)	69
<i>Рындина О.М.</i> «Оставайся хозяином!» (об Альберте Генриховиче Симоне).....	71
<i>Александрина И.А.</i> «Под колпаком у органов» (о Герардте Иосифовиче Эберсе).....	76
<i>Рындина О.М.</i> Библейское имя и мастерство (об Иосифе Ивановиче Эберсе).....	79

Научное издание

РОССИЙСКИЕ НЕМЦЫ
В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ПАЛИТРЕ
ТОМСКОГО СЕВЕРА:
АЛЕКСАНДРОВСКИЙ РАЙОН

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 17.07.2014.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л.5,25 +4 вкл.; усл. печ. л.4,9+4 вкл.; уч.-изд. л.5,4. Тираж 100. Заказ

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1